

1. Братство волка

Екатерина Романова

УПЫРИНАЯ НАУКА ДИЛОГИЯ

11. Потомок

Екатерина Романова

Упыриная наука. Диалогия

«Издательские решения»

Романова Е.

Упыриная наука. Диалогия / Е. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854162-9

Что будет, если светлый эльф поступит в вампирскую школу волшебников, а в качестве профильного предмета ей выпадет упыриная наука? Правильно — ничего хорошего, бедлам и маленькая катастрофа. А с остальным помогут справиться новоприобретенные друзья и один крайне вредный, но такой очаровательный вампир, которым даже Ангелы Апокалипсиса и Братство Волка не страшны. Ну, а после окончания школы можно и за усекновение самого великого и ужасного Потомка взяться!

ISBN 978-5-44-854162-9

© Романова Е.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Упыриная наука: Братство волка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Упыриная наука. Диалогия

Екатерина Романова

Дизайнер обложки Екатерина Романова

© Екатерина Романова, 2017

© Екатерина Романова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4162-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Упыриная наука: Братство волка

*Посвящается моей маме,
как самому яркому из источников моего вдохновения.*

*Время человеческой жизни – миг; её сущность – вечное течение;
ощущение – смутно; строение всего тела – бrenно; душа – неустойчива;
судьба – загадочна; слава – недостоверна.
Марк Аврелий.*

Сирима. 1011 год по Норийскому летоисчислению

День выдался подозрительно теплым и приветливым. Птицы щебетали беззаботно и насмешливо, зазывая бросить дела и предаться летним важностям: понежиться в ласковых лучах солнышка, окунуться в освежающую прохладу озерных вод, погоняться по заросшему клевером полю за бабочками, отдаться во власть прекрасного ничего-не-делания. Словом, весь мир бунтовал против того, чтобы я сидела дома за нудными учебниками и зубрила материал, который вроде как, необходимо знать, чтобы поступить в элитную Сиримскую школу Волшебников. Полнейшая блажь! Зачем эльфу посещать школу Волшебников в стране упырей?! Миру лучше знать – нечего мне там делать, оттого он и подает сигналы хорошей погодой и звонкими птичьими трелями. Уж я, как эльф, эти шифровки природы распознавать умею.

Мало того, что мне, благородной эльфийке, представительнице расы, взлелеянной природой, выпал жребий отправиться в упыриную страну, так еще об этих самых упырях я имела весьма неприятное представление. Из рассказов учительницы старших классов по предмету «Расы», маленькие эльфы четко уяснили, что упыри – плешивые, горбатые твари. Из рта упыря струится ядовитая слюна, торчат кариозные бивни, а грязные когти, грозящие если не смертью, то хотя бы острой интоксикацией организма – самое грозное оружие вампирской империи. В целом, картинка-то вырисовывалась, но вопросов оставалось много: куда подевались дантисты, мастера по маникюру и наращиванию волос в оголенных местах? Но учительница спешила накормить наши пытливые умы указанием на губительный нрав существ и их ненависть ко всему, в том числе своим сородичам. Как оказалось, особенно дикие жрут своих же и, судя по всему, дантисты наиболее вкусные.

Обладая столь ценными познаниями о внешности и повадках моих будущих учителей, друзей и добрых соседей, я не спешила с ними познакомиться. Да и внезапно осознала, что вообще-то, у меня друзей хватает и новые знакомства совсем уж ни к чему. Что говорить, в Сириму я ехала с некоторой, мягко говоря, неохотой и даже опаской, все чаще выглядывая из повозки в поисках безобразных скалящихся морд, жаждущих дотянуться до моей тонкой девичьей шеи. Но здесь, в упырином государстве, меня поджидало разочарование: образ кариозного монстра, не знакомого с такими артефактами как мыло, зубная щетка и ножницы был нещадно разрушен, ... но в душе моей остался след. Недаром ведь молва гуляет ... И столь пугающие байки рождаются не без причины. Я окунулась в изучение феномена упыря и прочла кучу литературы, отчасти для успешной сдачи экзаменов, отчасти, чтобы умерить непомерное девичье любопытство. Впрочем, ни первое, ни второе удовлетворения не получило.

В очередной раз измучено глянув на убийственно длинный список вопросов для вступительных экзаменов, я упала головой на ворох открытых учебников и прочей написанной мудрости с полной уверенностью: жизнь – мучение. Будь рядом Морорские монахи из Бердийского монастыря, они без труда смогли бы склонить меня в Бердийскую веру. Через страдания мы обретем счастье ... Единственное, что меня не устраивало – счастье почему-то, предполагалось

лишь в следующей жизни. Мне в этой хотелось. И счастья, и эльфа с прекрасными глазами цвета полуденного зноя, и домик на ясене с тремя спальнями...

В дверь осторожно постучали, отчего мой замученный безрезультатным зазубриванием материала мозг озарил свет надежды. Я с большим усилием оторвала тяжелую голову от стола и промямлила в надежде:

– Погибель, ты?

– Разэль, не помешаю? – приоткрыв дверь, поинтересовался пожилой эльф – мой учитель и друг семьи. В его доме я и проживала, платя за свет ученья смахиванием пыли и приготовлением пищи, если это можно так назвать. Одинокой девушке в век стремительно развивающейся рыночной экономики выбирать особо не приходилось.

– Спасете! – заверила я и снова рухнула на учебники немного разочарованная, что гость пришел без черного балахона и косы.

– Интересный у тебя способ учить, – улыбнулся он по-отечески, глянув на мои жалкие попытки впитать знания из закрытой книги, и присел на кровать возле окна. Из последнего, к слову, доносились летние радости: восхищенные голоса играющих на солнце не упыриных детишек, птицы, фонтаны, шум молодой листвы...

– Да уж. И какой-то не действенный, – с сожалением пробурчала я из вороха учебников, не слишком обременяя себя шевелением губ и проговариванием звуков. Учитель и без того имел полное подключение к моему разуму. «Вот самая лучшая шпаргалка» – радостно промелькнуло в моей голове. Предполагаемая шпаргалка недовольно насупила брови... Судя по всему, маг не одобряет проявление подобного жульничества. Я вновь поникла телом и духом.

– Девочка моя. Многие из кожи вон лезут, чтобы поступить на первый курс, попасть в эту школу. Тебя же директор готов принять сразу на третий! – учитель явно полагал, что сей факт отзовется в моей душе радостным воплем.

– Ага... А может, вам напомнить, что вы с ним лучшие друзья? И, ну так, для галочки, вы – бывший директор?! – сам факт учебы в этом сомнительном заведении заставлял меня приходить в ярость.

Эльф, немного смутившись, парировал:

– Но кого попало в эту школу не возьмут! И я, не считая тебя одаренной ученицей, не стал бы просить директора о подобном одолжении.

– Я вообще не понимаю, почему я не могу стать, например, архитектором или садовником? Я всегда любила цветочки, хоть это и не взаимно! Аласс, почему я должна поступать в эту школу? Может, я вообще не хочу идти по тропе магии! Как же свободный выбор? Самостоятельность? Между прочим, я тут заглянула в декларацию о политических, культурных и социальных правах всех рас и в пункте третьем статьи пятой...

– Довольно, Разэль! Все было решено еще задолго до сегодняшнего дня! На то была воля твоих родителей, и я ее исполню! – встав, решительно заявил учитель, что означало великое нежелание моего наставника искать неправдоподобные отговорки.

Эльф вышел, а я упала на учебники еще более обреченно, чем прежде. Мне предстояло поступить на третий курс! А это означало, что помимо вступительных, нужно каким-то образом сдать экзамены по первым двум курсам! Конечно, учитель наставник превосходный, он многое мне дал, многое всучил и вдолбил, отчего знания, словно выгравированные на просторах моего мозга, прочно засели в голове. Но два курса – это колоссальный объем! Как за неделю засунуть в голову с десятков толстых фолиантов, написанных на каком-то неадекватном эльфийском наречии, пахнущем нецензурщиной? Как вам это «Цилькейкий сизьки!» или «Пздёрный ока-кай»? Мало кому в здравом уме придет мысль о том, что первое – о целебных зельях, а второе – курс магической самообороны. Как впихнуть в голову невпихуемое? Нет, определенно, лето 1011 года не задалось.

Еще больше не задался день перед самым экзаменом. Мой лоб жаждал приключений больше, чем зад, о чем решил непременно сообщить полу. И нет бы, они себе тихо пошептались, да разошлись! Сообщить он решил с громким треском, от души об него треснувшись!

Поднимаясь с пола и отряхиваясь, вспоминала все знакомые эльфийские ругательства. Нашлось лишь одно, подходящее случаю:

– Да чтоб вами навозные червяки побрезговали, любезнейший! – плюнула я и потрогала лоб.

Эх. Мне выпала честь освещать аудиторию следами половой жизни, но я вовремя вспомнила древнюю эльфийскую мудрость: «по физероже ценять дюже». Пришлось зажечь последний огарок свечи, выживший после спартанского режима обучения, выискать канцелярский нож и обрезать челку. Конечно, смена имиджа в мои планы не входила, но раз уж суждено прозябать в упырином царстве-государстве, то сделать это нужно достойно. Под словом «достойно» я предполагала маленькую женскую хитрость с прической, но никак не ожидала предательства от табурета, на котором проводила операцию по обрезанию челки. Челку-то я обрезала. Пока летела... В результате в моей руке остался длинный клочок, а на голове – странная раскосая линия торчащих перепуганных волосишек, которая была похожа скорее на первый пух растущей не в том месте бороды, чем шикарную копну, прикрывающую синяк.

Злобно отшвырнув нож и клочок волос, я уничижающее глянула на табурет-предателя и обругала его на этот раз самыми недобрыми эльфийскими ругательствами. Такими темпами и до тролльих дойдет, о коих знала не понаслышке, собирая разведданные о троллье быте для курсовой. Тролли, стоит заметить, встретили меня подозрительно приветливо. Определили помощником учителя тролльского языка в единственную школу. Впрочем, вскоре такой приветливости нашлось веселое объяснение. Учитель сделал *меня* учебным пособием по тренировке родной речи маленьких тролльчат. Признаться, взрослые особи, по сравнению с малолетними сорванцами кажутся интеллигентными эльфийскими профессорами. Эта курсовая – своеобразная отчетность для моего учителя, который беспощадно мучил меня денно и ночью, желая слепить великий светоч науки. Бывало, разбудит в четыре утра и начнет спрашивать двенадцать отличий эльфа от полукровки. Зря он меня в логово троллье посылал... не те слова приходили мне ночью, ой не те...

Подойдя к зеркалу и привстав на цыпочки, я решила взглянуть на себя, чтобы оценить масштаб катастрофы. Успела только испугаться. Больше ничего – свеча погасла с коварным шипением, спасая меня от нервного срыва. Аласс учил во всем видеть знаки, уверяя, что мы натываемся на них везде. Это ли не самый большой и самый натываемый? Но учитель, проворчав под нос ругательства, скажет, чтоб не выдумывала. Закусив губу, я с сожалением посмотрела на клочок роскошных красных волос на полу и ощупала жалко торчащие на лбу обрубки. Ничего другого не оставалось, как отправиться досматривать навеянный моей домашней любимцей – феей Аличкой и прерванный, как всегда на самом интересном месте сон.

Как ни звала – возвращаться сон не собирался, а как в пять утра завопил петух, так и вовсе спрятался в глубины подсознания, заверяя, что никогда оттуда не вылезет. В нос ударил запах утренней свежести: росы, сосновой смолы и хвои. Ну, и еще пряной мочи соседской собаки, коя облюбовала кусты около нашего домика. Потянувшись в надежде, что хотя бы это доставит мне удовольствие, я обнаружила, что в комнате, хоть и сумрачно, но вполне достаточно света, чтобы разглядеть себя в зеркало и немного поколдовать. В переносном смысле, ведь на входе в аудиторию стоит «магический душ», как мы его называем. Он снимает со всех входящих любые заклятья и шепотки.

Проковыляв до зеркала (предварительно убедившись, что стул не находится в сговоре с табуреткой) я в который раз набралась духу. Н-да... помочь мне мог, разве что нож хирурга или хор-роший маг-косметолог. Под глазами, от бессонной ночи, словно отягощенные неведомым грузом свисали внушительные синеватые мешки, в центре лба, местами став иссиня-

бурым, светился синяк, как знак моей бесславной битвы с полом. Над синяком в великом ужасе от картины стояли дыбом сантиметровые красные волоски предполагаемой челки. Думаю, экзаменационная комиссия примет мешки под глазами за знак бессонного трудолюбия, а синяк-шишку за печать наработанной мудрости, ну а челку.... Пожалуй, за странное чувство прекрасного!

Решив не истязать себя думами о своей внешности (сделаю-ка ставку на интеллект), я присела на смятую простынь, которая лежала на кровати подобно умирающему в страшных конвульсиях приведению. Подобное сравнение меня слегка позабавило, а очередной истошный крик петуха вынудил высунуться в окно и проорать ему в отместку пару тролльих словечек. Довели-таки! После пребывания в славном тролльем лагере, меня так и подбивает вставить в речь меткое по смыслу словцо. Сдержаться бы на экзамене, хотя интересно посмотреть на багровеющее лицо директора и мгновенно стать авторитетом школы.

К моему удовольствию петух умолк, но проснулся учитель и, без стука войдя в мою комнату, вопросительно, даже негодуя на меня уставился. Я коряво улыбнулась, благо зубы пока в порядке, тьфу три раза. Негодование учителя сменилось благоговейным трепетом, не преминувшем отразиться на его речевых способностях:

– Ты... ты... Раэль, что ты... сделала с собой?

– Не нравится? – притворно надув губки, изумилась я. – Решила сменить не только страну, но и имидж...

Маг, нервно огладив лицо, начиная со лба и заканчивая кончиком недлинной бороды, отчаянно вздохнул:

– Собирайся, тебе пора выходить. И постарайся произвести впечатление на комиссию!

– О, за это можете не волноваться! – иронично кинула я, направляясь на кухню за стаканом молока и ватрушкой, оставшейся в тайном месте еще с позавчерашнего завтрака.

Плюхнувшись на лавку напротив мага, я налила из графина молока, хапнула с тарелки ватрушку и смачно откусила половину...

– Мантыр собачий! – ругнулась я.

– Вот плата за курсовую по тролльему быту! – возопил учитель, присаживаясь на лавку. – Что на этот раз?

Я выплюнула на ладонь запеченную вместе с ватрушкой монету. Кроме монеты выпало нечто белое в красном соевом соусе. Как сейчас помню, позавчера плюшки были сладкие!

– Хороший знак – счастливая ватрушка! А я все думал, куда она подевалась, мы же все съели, – обрадовался маг.

– Остаться без зуба – очень хороший знак, – гневно пробурчала я, боясь упомянуть ненароком оставшиеся невредимыми части своего тела. – Все! Я никуда не иду!

– Это исключено, – отрезал он.

– Но я уже взрослая и сама могу решать!

– Взрослая ты будешь, когда тебе исполнится восемнадцать! – корректно напомнил учитель местные законодательные положения.

– Это завтра...

– Правильно! А экзамен сегодня. Так что немедленно отправляйся, не то опоздаешь!

Кинув зуб и монетку в печь, а заодно припустив туда и ватрушку, я крайне осторожно допила молоко (не дай бог еще стакан окажется с каким-нибудь счастливым лезвием или удачной пуговицей). Десна начала постанывать. Аличка порывалась заговорить ее, но не хватало, чтобы перед жаждущим обнаружить хоть какие-то зачатки знаний в моей голове лицом профессора щека в считанные секунды раздулась до размера футбольного мяча. Уж лучше опущусь до травничества и знахарства.

– Раэль, время поджигает! – суетился маг, собирая мне обед в дорогу. – Иди, одевайся!

– Хоть бы раз в жизни оно расширяло, а то все поджигает и поджигает, – недовольно бурчала я, возясь с травами.

Вот тебе и настой травяной. Пришлось заглядывать в свой негустой гардероб и выискивать нечто более-менее похожее на приличный наряд. Нашлась иссера-бежевая почти свежая блузка и черная юбка. Замечательно. В этом сойду за ботанье. Мурлыкая себе под нос, и страшно шепелявя, я утюжила блузку тяжелым железным утюгом, из которого валил такой пар, что закрой окна и можно зарабатывать неплохие деньги на услугах сауны. А снабди заведение пивной лавкой, так и вовсе разбогатеешь в считанные дни и никаких тебе экзаменов, билетов, фолиантов...

На плече, искрясь розовым светом и усиленно порхая стрекозиными крыльями, восседала Аличка, придерживаясь за мои волосы, как за лианы. Феечка бдительно наблюдала за процессом, чтобы я и здесь чего не напортачила. Почему-то она искренне верила, что я обладаю талантом попадать в неприятности... Процесс, тем временем, шел оперативно и близился к завершению. Досрочно завершиться ему помогло флегматичное замечание Алички:

– Кажется, Барсик жует твою гербарную книгу!

Я метнула бешеный взгляд на дымчатого толстого кота, зажавшего в зубах корень вале-рианы. Кот, как партизан, сначала застыл на месте и сощурил глаза, затем присел, прижав уши к голове и хвост к туловищу. Пару секунд мы обменивались взглядами, а потом я носилась за котом, пытаясь отобрать у него свое домашнее задание! Я столько ждала, пока корешок подрастет, созреет, будет в самом соку, сушила его, изучала, описывала и как же я заявлюсь на экзамен с пробелами в книге?

– Барсик, зараза, отдай немедленно!!! – рычала я, прыгая за ним под стол, на кровать, на стул, наводя основательный бедлам в своей комнате. Но Барсик, проявив чудеса акробатики, скакнул на кровать и юркнул через открытое окно на улицу, жалобно мягнув при приземлении. Ни секунды не мешкая, я проследовала его же траекторией и... менее грациозно вывалилась из окна прямо на любимые цветы Аласса, завезенные из нашей родины – Эсаила, и с таким небывалым трудом возвращенные и выхоженные на грубых вампирских землях. Лежа на влажной земле в легкой ночной сорочке, я рассматривала испугавшиеся бутоны Зеленики. На тонких, как нежный побег березы, стеблях, без листьев и почек царственно восседал полураскрытый сиреневый бутон, являющийся скорее продолжением стебля, нежели отдельным цветком. Возвышающиеся над землей сантиметров на двадцать, они росли густой кампанией, тесным кольцом обвив весь домик по периметру. А на ветру, нежно покачивая сиреневыми головками, роняли золотую пыльцу, которая, разносясь по окрестностям, удобряла почву.

«Пусть земля вам будет перегноем», – подумала я, отряхивая с себя трупки зеленики. Поднявшись, впервые обратила внимание как высоко расположено окно, и что работает оно только на выход, на вылет или на падение. Тут нога принялась подавать странные ноющие сигналы, будто хотела сообщить, что с ней что-то не так.

– Замечательно! – бурчала я, прихрамывая и добираясь до входной двери. Деликатно постучала. За ту гамму эмоций, что отразилась на лице старика Аласса, можно было выдать ему высшую актерскую премию Нории.

– Как ты... что ты опять натворила? – увидев, что я перепачкана землей и золотой пылью Зеленики, прокричал маг.

– Ну почему сразу натворила? – искренне изумилась я. – И почему сразу я...

– Моя Зеленика! Мои цветы!

– Да все будет в порядке, – из моих уст это прозвучало как-то неубедительно.

На этом злоключения должны бы уже закончиться, ведь хорошего помаленьку. Как бы не так. Хорошее решительно настроилось завалить меня щедрыми дарами. На кухню влетела ошарашенная феечка, нервно взбивающая крылышками воздух и даже побелевшая; схватилась руками за щеки и пропищала:

– Там такое! Там горит, огонь, дым... скорей!

Бросившись на подвернутой ноге в комнату, я с благоговейным ужасом обнаружила остатки блузки, которую с кроважидным шипением поедал утюг. Из-под окна доносились ругательства мага, вокруг порхала паникующая феечка, нога и десна, сговорившись, выступили единым болевым фронтом, а остатки блузки продолжали страдальчески плавиться под тяжелым утюгом. Я быстро убрала утюг в безопасное место и кинула блузку в мусорное ведро. Нацепив первую попавшуюся мятую кофту, надев юбку и собрав все необходимые курсовые и гербарную книгу без валерианы, я решила по-тихому смыться, пока маг не заметил стогрешней одежды. Заметил он ее тогда, когда я уже была на полпути к школе – его яростный крик слышали, наверное, даже в столичном замке, неподалеку от которого находилась и школа, и наше новое жилище.

На экзамен я, как и положено даме, опоздала на 15 минут. Долго стучала и меня долго не пускали, уверяя, что Раэль Яан ви То`орп выглядит иначе, что она приличная одаренная девушка из благополучной семьи, а я какая-то страшная и немытая проходимка, а денег они не подают. Это мне, видите ли, на паперть. Даже путь указали.

Не знаю, откуда они понахватались этой чуши, но честь моя уже была поправа. Убедив-таки комиссию, что я и есть та самая приличная одаренная девушка из благополучной семьи, я была пропущена в кабинет, в котором уже в страшных муках и самобичевании нерадивые адепты пытались выжать из себя знание. Выслушав не слишком искренние извинения, я подошла к кафедре и бодро поздоровалась с директором Яном Птичкиным. Тот, ошарашено окинув взглядом больную и хромую меня, предложил вытянуть билет из другой кучки, поскольку в аудитории сдавали экзамен второкурсники. Меня обрадовали, что, если повезет, то это мои будущие одгруппники. Сомнительная радость. Криво улыбувшись и пристроив рядышком выломанную в лесу сосновую палку, я плюхнулась на стул и принялась читать билет, который тут же испачкала тягучей смолой.

Всего четыре вопроса. Первый по травоведению и знахарскому делу, звучит так: «Валериана. Свойства, описание, наглядная демонстрация и применение в знахарском деле». Замечательно, как мне объяснить, что валериану съел кот? Что он же вылакал половину зелий, содержащих ее экстракт? Начеркав на листочке пару заковыристых предложений, я перешла ко второму вопросу. Боевая магия. Другое дело. «Требушет. Механизм действия, устройство и способы магического воздействия». Разяснить педагогу, как превратить эту деревяшку в кучу щепок и как придать ей боевой мощи не стоило мне и труда. Да раз плюнуть! Накатав два листа текста с картинками и формулами, я, довольно выдохнув, перешла к третьему вопросу. Теоретическая магия. «Структура заклинания». Э-э... помнится, там есть начало... середина, кажется, конец... Подумав, что чего-нибудь да наплету по этому вопросу, вспомню заклинания и покажу на практике, перешла к последнему. Не прочитав, вернулась к третьему вопросу, уточнила, что предмет называется *теоретическая* магия, начеркала всплывшие в памяти знания. Всплыло немного и все более нецензурное. Четвертый вопрос. Расология. Вампиры. Конечно, куда без них. «Община Скитальцев. Быт, развитие, отличия от прочих общин». Этот вопрос зиял большой дырой в моих знаниях по расологии. Что за невезуха? Именно те вопросы, которые я хуже всего знала! Ну, это, в общем-то, как всегда. Кажется, что в голове пусто, а перед скучающими глазами экзаменатора вспомнишь все, что надо и не надо. Чаще, конечно, последнее...

Поняв, что подходить к экзаменаторам, держащим морду «лопатой» все-таки придется и лучше поздно, чем никогда, а также, вспомнив еще с десятков оптимистических пословиц, я сдалась и села на краешек стула перед первым профессором. Точнее профессоршей. Дородная человеческая дама средних лет, с короткими кудрявыми пепельно-сизыми волосами и неболь-

шими очками, постоянно сползающими на кончик носа, отчего, казалось, что она смотрит на тебя сверху вниз, с напускным цинизмом и напыщенной предвзятостью.

– Валериана. Свойства, описание, наглядная демонстрация и применение в знахарском деле, – робко прочла я. Дама улыбнулась и что-то черкнула на листочке.

– Ну, давайте, Раэль, расскажите, как валериана может помочь... гм, в вашем конкретном случае?

– В моем? – передавая ей свою гербарную книгу, удивилась я, – в моем может помочь только стопка первой вытяжки. Если не разбавлять...

Она пристально посмотрела на меня поверх очков, хмыкнула, ловким движением посадила очки на переносицу и, наклонившись ко мне ближе, подмигнула:

– Не стоит так переживать, ты девочка умная. Ум с тобой до конца, а внешность быстро увядает.

Нет, ну, я конечно не красавица, но не до такой же степени. Впрочем, мою звезду на лбу приняли-таки за печать мудрости, что тоже неплохо.

– Конечно, вам не восемнадцать, – протянула я, – в смысле, в нашем нежном возрасте внешность может очень сильно подпортить самооценку.

Она вновь одобрительно хмыкнула и начеркала на листке пару каллиграфически ровных рун. Я благоговейно пересказала все, что таилось в закромах моих знаний о валериане и ее расчудесном корне. Вспомнила и о Вехе ядовитом, который часто путают с валерианой и который помогает отправиться на свидание к почившим родственничкам. А потом, чудо-знахари, бегают к нам и просят вернуть нажравшихся Веха на грешную землю. Приходится возвращать. Женщина вновь сделала пометки. Мне всегда было интересно – что же там пишут эти экзаменаторы? Может они сидят с умным видом, а сами кроссворды разгадывают? Тем не менее, женщина располагала к себе и создавала по непонятной причине приятное впечатление.

– Ну что ж, замечательная книга, очень хорошая. Качественно описаны заклинания, составы зелий, действие. Гербарий тоже неплох, только, где сама валериана?

Я судорожно вытащила из сумки пять пузырьков из темного стекла с зельями и картинно указала на них.

– Угу, – очки снова сползли на нос, – а сам экспонат, полагаю, кот утащил?

– Как вы догадались?

Она рассмеялась негромко, но от души и ответила:

– Милочка, за те сорок лет, что я тут преподаю, это тридцать пятый случай отсутствия в гербарной книге валерианы. Коты известные гурманы и плуты. Как начнешь засушивать корень,... тут уж берегись! Что ж, по моему предмету могу поставить тебе пять. Отлично.

Она сделала отметку в ведомости и указала на соседний стул. Собрав пожитки и уложив гербарную книгу обратно в сумку, я присела на краешек соседнего стула и сжалась. Передо мной восседал грозный орел и смотрел на меня так, будто я прилюдно назвала его жалким воробьем. Взгляд профессора пригвоздил меня к стулу и обездвижил. Застыв и не меняя выражения лица, я следила за тем, как шевелятся губы преподавателя, не сильно понимая, что он говорит.

– Ну-с, мисс Яан ви То`орп, номер вашего билета? – писклявый, не к месту, голос профессора вывел меня из ступора и заставил улыбнуться. Генитальное предположение о причине такой пискливости не давало мне покоя и я едва сдерживалась, чтобы не хихикать.

– Номер двадцать семь, – я в такт ему взвизгнула и стушевалась. Ну, простите, случайно я...

– К вашему виду подошел бы тринадцатый, – надменно чихнул он.

– Да к вашему, знаете ли, тоже был бы весьма кстати.

Профессор, с каштановыми прямыми волосами, облепившими его голову, как прилипшие к яйцу перья, сморщил аристократически прямой и острый книзу нос, и выдал:

– Ваш вопрос, деточка.

– Требушет. Механизм действия, устройство и способы магического воздействия.

Профессор довольно хихикнул и потер руки, вероятно полагая, что дама в данной теме не сведуща. Пришлось его немало огорчить, так как боевая практическая магия была моим коньком. Собственно, она была единственной ложкой меда в этой бочке дегтя поступления сюда. Нарисовав на доске, расположенной за спинами экзаменационной комиссии, устройство требушета, я во всех красках описала его действие, механизм и, соответственно, способы воздействия. При этом, в возвышенных чувствах, я носилась вокруг доски, прихрамывая, активно жестикулировала, порой, откровенно махая руками и сосновой палкой, показывая, как летит снаряд. Снаряд едва не угодил в профессора, но мне простили. И когда, по прошествии тридцати пяти минут, закончила свой, наполненный эмоциями и метафорами рассказ, заметила, что экзамен на тридцать пять минут остановился и превратился в лекцию по устройству требушета. Все: экзаменационная комиссия, присутствующие независимые эксперты, следящие за чистотой экзамена, экзаменуемые, смотрели на меня, порой открывая рты и охая. А профессор-орел лишь громко, зычно порвал тишину двумя звуками:

– Хм, – скривив губы, причмокнул он.

Послышались аплодисменты. Я даже немного смутилась, но, войдя во вкус, раскланялась, улыбнулась и села перед преподавателем, дабы услышать его вердикт. Экзамен вновь пошел своим чередом.

– Что ж, мисс Раэль. Отлично.

– Еще бы, – усмехнулась я, понимая, что оценка заслуженная, ведь я столько вкалывала по боевой магии, что была жутко горда за небесцельно пропавшие годы.

Профессор указал на следующий, как раз освободившийся стул. Теория. Практик по жизни, в теории я как рыба в прыжках с парашютом. Знания теории захирели в самых пыльных уголках моего разума. Тем не менее, сделав морду, как и у сидевшего напротив вампира, лопатой, я принялась уверенно создавать впечатление усердного студента.

– Двадцать седьмой. Структура заклинания.

Вампир улыбнулся (или оскалился). Это был молодой профессор, лет этак восемьдесят – для вампира самое то. Стриженные под ноль пять рыжие волосы, на пример моей челки, торчали дыбом. Зеленые глаза горели каким-то садистским огнем, в ожидании, что я, уткнувшись взглядом в парту, начну ковырять носком паркет и мямлить, что не выучила. Фи, дяденька, не на ту нарвались!

Сдвинув брови, нахмутив взгляд, я уверенно протянула:

– Теория есть начало начал! – вампир довольно просиял. Начало ему понравилось. – Знать заклинание в теории – не пропасть на практике!

Минут десять я уверенно лила воду о важности теоретической магии, не обронив и слова о структуре заклинания. Вампир, радостно болтая навешанной лапшой, хлебал мою воду за обе щеки и мило улыбался. Закончив, я выжидательно уставилась на него в ожидании похвалы.

– Несмотря на то, что в вашем ответе я не услышал ничего, касаемо сути вопроса, могу поставить четыре. За собственное мнение относительно положения теоретической магии среди других наук, – засветился он, полностью разделяя, что эта самая теоретическая магия начало начал и кончало кончал. Я даже спорить не стала, не рассчитывая и на тройку.

Затянув потуже пояс, я села напротив директора – Яна Птичкина. Мужчина, сначала струхнув, а потом, видимо распознав во мне воспитанницу лучшего друга, весело подмигнул. Вообще, внешность его к веселью не располагала. Густые черные брови хмуро, словно извечные грозовые тучи нависали над черными, как уголь глазами, постоянно шевеля лианами длинных бровных волос. Орлиный нос, чуть с горбинкой, опасливо нависал над узкими губами. Разве что губы ни над чем не нависали. Имидж темного и нелюдимого вампира дополняли темные густые прямые волосы до плеч и челка, на пример той, которой я хотела замаскировать

свои боевые раны. Прямо дед Мороз в готическом стиле. Не хватало плетки и латекса.. так, о чем это я. Ах да... вампиры!

– Смотрю, хорошие оценки. Аласс неплохо тебя поднатаскал.

– А то! – согласилась я. – Именно поднатаскал. Не учу – бьет, учу... все равно бьет, – всхлипнула даже для антуражу. Я-то шутила, но мои боевые ранения вполне намекали на правдоподобность.

– У каждого учителя своя методика воспитания. Но он, кажется, немного переборщил. Я с ним побеседую на этот счет.

– Исконная магия... ой, Темная материя с вами, – предостерегла я, – это я всю ночь самобичеванием занималась.

Он подивился моим выдержке и характеру и попросил прочесть вопрос. Я неохотно сделала это и замолчала. Директор выжидательно смотрел, терпеливо расценивая тишину как попытку нахождения и идентификации информации, спрятавшейся в самые дальние глубины моего разума, если таковой имелся. Поняв, что информация там попросту отсутствует, он прямо в лоб спросил:

– Знаешь?

– Неа, – хмыкнула я виновато.

– Вампирологию учила?

– Учила. Я много о вампирах знаю, о многих общинах и в целом вообще, об объединениях, войнах, кланах. Вот, у меня еще курсовая за первый курс – по троллею быту, – приходилось давить на жалость и шмыгать носом.

– А по расологии за второй курс курсовые есть? – он, пролистывал полученную курсовую и по мере прочтения вздымал брови. Для галочки – директор не любитель троллея быта.

– Неа, – вновь виноватый вздох.

– Хм. Оценки у тебя тут хорошие, жаль не допускать тебя... знаешь-ка. Придумал! Отправим мы тебя на этот месяц в общину! Все нет времени, да и особого желания заехать к Скитальцам, так что тебя заодно и в курьеры запишем. Ты подойдешь к их магу, он мой старый приятель, я ему письмо напишу. Он поможет тебе обустроиться, под его началом напишешь курсовую, в общем, проблем не будет. А как защитишь курсовую, считай, ты уже адептка школы Волшебников!

Он просиял, видимо, посчитав, что необходимость провести остаток лета в обществе воинственных упырей сделает меня счастливей. Даже, я бы сказала, в обществе самой странной общины во всей Сириме. А в наше-то беспокойное время...

– Ну, как? – строча письмо на желтоватой бумаге, улыбнулся директор. Будто от моего ответа что-то могло измениться... Я, до сего момента сидевшая с перекошенной физиономией, в такт ему просияла также, заверяя, что безумно рада и это лучшее предложение за все лето. Конечно. Я как раз мечтала просидеть все солнечные деньки в четырех стенах, судорожно проверяя, не появилось ли в моей шее лишних дырок.

Думается, мой стремительный выход из аудитории запомнится моим предполагаемым сокурсникам надолго. Что-что, а курс по методам устрашения противника мне уже можно было зачестить автоматом. В тот момент я сама себя боялась. Говоря объективно, на этот месяц у меня были планы и куда более приятные и важные, чем месяц в обществе нежити. Да, наконец, вместо того, чтобы провести остаток лета в трудолюбивом и приятном ничего-не-делании, придется пахать в упырином царстве-государстве.

Учителя же мои слова порадовали. Увы, не те, что про нежить и мое желание протянуть им кол дружбы в сердце. Он заявил, что месяц со Скитальцами – прекрасная возможность лучше познакомиться с населением государства, в которое мы приехали, изучить их нрав, завести новых друзей (или врагов?). Находя доводы в свою пользу, я кидала упреки, не понимая, зачем мы вообще уехали? Оставались бы в Эсаиле и никаких проблем. Впрочем, эту тему

закрыли быстро, потому что все действительно было решено заранее. И почему-то именно Сирима.

– Если я не вернусь через месяц, – осматривая навьюченную чемоданами с новенькой одеждой и школьными принадлежностями лошадь, жалобно протянула я, – знайте: меня сожрало воинственное стадо упырей!

– Не стадо, а община! – терпеливо поправил наставник, навешивая мешки к седлу. – Давай, не привередничай. Смотришь, и понравится еще там! Не паникуй раньше времени и помни мои напутствия. И упаси Исконная магия тебя назвать вампира упырем!

– Конечно, конечно, – вскакивая, точнее, вскарабкиваясь в седло, протянула я, тряхнув заодно больной, забинтованной ногой, – все помню.

Аличка вспорхнула мне на плечо и, словно маленькая балерина в своей розовой пачке, встала в первую позицию:

– Не беспокойся, я не дам упырям тебя съесть, – хихикнула она. – По крайней мере, доесть – точно не дам.

– Не упырям, а вампирам, девочки! – занервничал маг. – Ну-ка повторите мне правила поведения с представителями общины!

– Увидев Князя, нижайше распластаться перед ним в страшных муках совести за то, что оказались рядом. Затем, не разгибаясь, ретироваться к ближайшему выходу, при этом, не поворачиваясь к августейшему лицу задом. Все действие сопровождать глубочайшими извинениями, сожалениями и самобичеванием. Правило первое вкратце. Ничего не перепутала?

– Все ерничаешь! Второе.

– Второе... э, со всеми «выкать», даже с маленькими упырятами, ибо раса вампирья высока и благоразумна. Кланяться в пояс. Слушайте, может мне сразу в бараний рог свернуться, да так и ходить, не разгибаясь? Этак я себе радикулит заработаю, но зато никого не обижу!

Фея звонко, словно маленький колокольчик, рассмеялась, а, завидев, что маг начинает нервничать, подлетела к нему, потрепала за щечку и, поцеловав в большой шершавый нос, вновь вернулась ко мне на плечо как верный командору-пирату попугай.

– Третье.

– Третье... – я жалобно поскребла макушку. – А! Уважай тварей божьих. Букашек, таракашек, собак, кошек и прочую нечисть, ибо в их ипостаси могут «вомпэры бэгати», – процитировала свою тетушку с ужасным темно-эльфийским акцентом. – Так?

– Сарказма тебе не занимать. Веди себя там тише воды! Школе проблемы с этой общиной не нужны!

– Нужны с другой? Могу устроить! Эй, это шутка! Да что я могу сделать, я всего лишь девочка! – усмехнулась я, а Граф, мой верный конь, стал картинно бить копытом землю, намекая, мол, быстрее уеду – скорее вернусь (или не вернусь?!). – Не беспокойтесь учитель, вы будете мною гордиться, обещаю.

– Это-то меня и беспокоит...

Он деликатно кашлянул, стараясь не вспоминать сегодняшнее утро, да что там! Прошедшие восемнадцать лет! Думаете, сегодня случилось что-то из ряда вон выходящее? Да нет... так... середнячок...

С минуту мы постояли в тишине, посмотрели друг на друга, пару раз натянуто улыбнулись. Не люблю прощаться. Прощания не мой конек, а расстаемся мы надолго. Вернусь с задания – сразу учеба, а там, глядишь сессия – другая, летняя практика, стажировка где-нибудь или похороны. Когда еще увижу мага? Наставника... старого ворчуна-эльфа? Моего верного и преданного друга?

– Наверное, мне пора, – сдавливая слезы, проговорила я.

– Постой еще минутку, – спохватился Аласс и начал шарить в карманах. – Это тебе.

Он привстал на цыпочки, а я наклонилась ниже, чтобы маг смог застегнуть на моей шее, искрящуюся на солнце и выкованную лучшими мастерами нашего Эсаила, цепочку. На золотистой ниточке, такой же невесомой и легкой, как капельки росы на паутинке, сверкнул медальон. Знакомый до боли. Слезы, так тщательно мною скрываемые, блеснули в глазах, готовые пролиться бурным потоком. Медальон, украшенный зеленикой, открывался. Замочек легонько щелкнул... на старой, но качественной бумаге – изображение моих счастливых родителей, а на руках мамы – маленькая я. Слезы все-таки оросили щеки, оставляя на губах солоноватый вкус горечи и обиды.

– С днем рождения, Раэль, – крепко обняв меня, прошептал маг.

Я, сжав в ладони медальон, прижалась к наставнику, рыдая в его плечо.

– Я хочу к ним! Когда я их увижу, Аласс?

– Скоро. Обещаю тебе, очень скоро. Они вернутся, ты же знаешь, – прошептал он утешающе. Я понимала – это всего лишь слова, никто не знает точно, ведь лишь пресловутой судьбе ведомо наперед. И только одной Исконной магии известно, как мне хотелось в них верить. И я верила. Горячо и всем сердцем.

– И помни, ... никто не должен знать, что ты...

– Я понимаю.

Впившись каблуками в бока лошади, я понеслась прочь от хижины мага, расположенной в сосновом лесу, неподалеку от Рыка, города, в котором и находилась лучшая в стране школа Волшебников. Наставник так и остался стоять на крыльце, опершись на свой ясеновый посох, пока я не скрылась из виду. А когда скрылась, не сомневаюсь, зашел в хижину, сел за стол у печки, налил молока и зарыдал, так же как и я. Ибо последний летний месяц был словно черной меткой выгравирован в нашей памяти.

...толпы бегущих эльфов, людей, гномов. Мечущиеся тени... прощальные стоны и крики – последнее, что остается от них в этом мире. Но даже они, растворившись в спертom утреннем воздухе не оставят после себя ничего, кроме головной боли, но и она вскоре пройдет... так заканчиваются многие истории... звезды горят и мы их помним, но стоит им погаснуть, как память о них тает, словно последний снег на теплых ладонях ребенка... так же закончится и эта история.

Когда выехала на тракт, то немного успокоилась и утерла пыл коня. Мы с Алассом много путешествовали по Сириме, пока не нашли пристанище, потому я знала ее почти вдоль и поперек, по крайней мере, заблудиться и умереть голодной смертью не боялась. На тракте немного спокойней в этом отношении: каждый поворот снабжен аккуратными деревянными дощечками, приколочеными к столбику. На дощечке указано направление и название населенного пункта с количеством верст до него. Как и положено, буквы, в готическом стиле, аккуратно выжженные на дереве, были одна к одной даже на указателе самой захолустной деревеньки – вампиры жуткие педанты. На одном из указателей, приветственно каркая на прохожих и проезжих, и орошая деревянную дощечку вязкими белыми струйками, восседала ворона. Ее присутствие меня насторожило. Кто-то верит в проклятье черной кошки, мне же верилось в проклятье вороны. Прогнав птицу громким криком, я продолжила путь, стараясь не думать об этом инциденте.

Тракт в это время года пользовался немалым спросом. В Сириму из Эсаила, Морора, Фэа и прочих государств стекались торговые обозы с яблоками и ягодами, тончайшими и изысканными тканями от эльфов, чистейшими камнями и минералами от гномов, с живностью из Морора. Сирима в свою очередь активно экспортировала зерно, мед и древесину, преимущественно сосну и осину, которые облюбовали здешние леса, назло всем мифам.

Мы повстречали и небольшие обозы, в которых на свежескошенном пряном сене вольготно валялись ребятишки – видимо такие же путники, как я, и пеших пастухов с двумя-тремя худыми козлами, жалобно блеющими и трясущими бородой. Встречали и большие караваны, при появлении которых приходилось спешно отходить на обочину, так как подобные торговые экспедиции, боясь разбойников, снабжались мини-армией в латах и с мечами.

Беззаботно щебеча с Аличкой, мы добрались до подвешного моста, который отмерял треть пути. Можно было устроить привал, но абсолютным большинством было принято решение сначала переправиться через мост, под которым живописно раскинула клыкастую пасть пропасть. Уклонился от голосования лишь конь, совершенно не желающий иметь дел с подвесными мостами.

Спешившись, я медленно ступила на широкий мост. Доска не скрипнула, не провалилась с голодным хрустом, а прочно держалась под ногами. Эх, вот поднаторею в магии, и смогу каменный мост выстроить! Ненадолго, правда, но без страха за любимые косточки пройти смогу. Если, конечно, с расчетами не напутаю. Сделав еще пару аккуратных шагов и убедившись, что мост держится и даже ждет добавки, я потянула за собой Графа. Конь, отбрыкиваясь и отфыркиваясь, категорически не желал идти по странным и подозрительным подвесным мостам. Но выбора у него не было, я настойчивая и несгибаемая хозяйка, посему конь, усиленно заржав, ступил на мост и поплелся за нами. Подвесная дорога, словно качели, начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, грозя сбросить нас вниз. Хоть коня не скидывай! Хорошо Аличке, она фея и с преодолением таких препятствий у нее проблем не возникает. Кое-как добравшись до противоположного берега, я повалилась на ароматную траву и все, о чем могла мечтать – чтобы на обратный путь имелась другая, более короткая и надежная дорога, ибо пасть жертвой коня (или моста?) мне не хотелось. Глупое животное смотрело на меня свысока и спрашивало: «Пфр?». На свою смерть я строила более героические планы. Как минимум – мне должны установить памятник (не путать с надгробным!), как максимум – увековечить имя в легендах.

Как и было задумано, мы устроили короткий привал, поглазели на карту и выбрали наиболее оптимальный путь: самый короткий. Заодно я достала направление и сопроводительное письмо, которое вручил мне с собой директор Птичкин. Нужно же мне знать, о чем переписываются великие маги королевства? Письмо и направление были запечатаны в конверт из плотной бумаги, так что прочесть по-тихому не получилось бы. Разочаровано кинув письмо на траву, я вольготно развалилась рядом, закинув руки за голову. Вздремнуть перед трудной дорогой никогда не помешает. Мой чуткий сон довольно быстро был бесцеремонно прерван чьим-то нахальным чавканьем над самым ухом. Спросонья почудилось, что надо мной склонился голодный упырь, доглядывающий кости коня моего сердобольного и выбравший меня в качестве следующей. Недовольно уставившись на предмет, потревоживший мой покой, я аж подскочила и отбежала за коня (жив родной). Оказывается, над моим ухом чавкал василиск. Похожее на крокодила животное, размером с молодого теленка, закусило, меж прочим, письмом к магу и направлением в долину от школы. Завидев, что в глубинах пасти скрылся не весь конверт, я решила, во что бы то ни стало, отвоевать у наглой рептилии свои документы. Хорошо хоть командировочные, приличные, стоит заметить, передали лично в карман, а то отчитывайся потом перед Орденом Магов о причинах вскрытия трупа василиска...

От василисков имеется простенькое противоядие – зеркало. Выставив сей предмет, подловив угол, под которым животное уставилось на себя, я скрестила пальцы и... передо мной, все с той же надменной мордой и застывшей у пасти слюной восседало грозное зеленое животное. Только восседало неподвижно, а значит, заколдовано, а значит, эта тварь пока безопасна и у меня есть пара минут. Тыкнув, для уверенности, зверя пальцем в бок, я убедилась, что он в астрале и решила заглянуть ему в пасть. Челюсти железной хваткой вцепились в конверт,

от которого виднелся лишь маленький треугольник. Проще было сдвинуть гору с места, чем разжать пасть заколдованного василиска. Силенок, увы, не хватало.

– Да... гиблое дело. Не видать тебе поддержки от мага Скитальцев. Сожрут нас. Как пить дать сожрут! – щебетала Аличка.

– Спокойно, подруга, где наша не пропадала!

С боевым воодушевлением и упершись ногой в грудь василиску, я со всех сил потянула за письмо, но отвоевала лишь уголок, на котором красовалась буква «У». М-да, махать перед носом мага буквой «У» и уверять, что я из школы – гиблое дело. Примут за шпиона, а что еще хуже – за ненормальную и вышвырнут в два счета. А назад идти – того пуще. Ну, ничего, напишу я эту курсовую и без направления, или я не Раэль Яан ви То'орп!

Через семь часов, когда солнце собиралось на покойконь, заржавно кой мини-армией в латах и с мечами. возможность узнать лучше жителей государства, в которое мы приехали. и приятном ничего не делании, прректор.

лана во всей Сириме. может освоится, в общем, устроит, ишем. к магу ан. ке, поинтересовался он.

фикацию азамичну ковырять носком паркет и мямлить, ч, заявляя об этом во всеуви-
дение разрисовыванием горизонта, до долины оставалось рукой подать. Только имелась одна проблема: указатель был, не спорю, но, сколько бы мы ни шли в том направлении, долины видно не было. Сей факт начал выматывать и я, злая и недовольная обстоятельствами, что занесли меня к мантыру на кулички, спешила, дав коню волю погулять в поле и пощипать на закате травку.

Злобно вышагивая, как гневный генерал при поражении, разыскивая на ком бы сорваться, я брела вперед, рассекая собой спелые колосья пшеницы, скрывающие меня по пояс. Собственно, передом могла оказаться любая из тысячи сторон, и я посчитала, что это – подходящее направление. Под ногой что-то неодобрительно хрустнуло и, мягко чавкнув, размазалось по земле, я попыталась сделать второй шаг, но кто-то вцепился в мою ногу, повалил на землю, придавив своим весом и, подставив нож к горлу. Надо мной угрожающе нависли огоньки кровожадных упыриных глаз.

– Убийца, наемник, просто идиотка? – спросил незнакомец.

– Потихе, упырь! – зло предупредила я, вытащив свой кортик с волнообразным лезвием и ткнув им в бок агрессивного незнакомца. Есть у меня свои острые предметы в рукаве.

– Невоспитанная ведьма, – заключил темноволосый вампир, сверкнув черными, как агатовая ночь, глазами. В них плясали блики заката и клянусь, не было зрачков – только чернота и багровые закатные отблески. Какие красивые глаза... в них можно и утонуть.

Благо для здоровья незнакомца, он убрал от моего горла нож и помог подняться. Я тоже убрала кортик в сапог и, уставившись на упыря, задумалась то ли сорваться на нем, то ли уцепиться, как за соломинку и спросить дорогу. Решила начать с первого и закончить вторым. А там – как пойдет.

– Я не ведьма... просто красота у меня не стандартная! – огрызнулась я, задрав носик. Синяк из бурого стал зеленовато-желтым, челка по-прежнему торчала, о чисто красном цвете волос от природы вообще не упоминаю. Но были и положительные стороны: щека уже не кричала о том, что во рту флюс размером с футбольный мяч (всего лишь с перепелиное яйцо), а перевязанная нога так и вовсе уже не тревожила. Но видок мой по-прежнему устрашал и впечатлял прохожих, потому и разбойников я не боялась, – а ты чего сразу ножом тыкаешься?

– Ты наступила на мои яйца...

– А... так это было яйцо, – поборов желание отпустить неприличную шутку, хихикнула я и глянула на растоптанный стол. На белой салфетке соседствовали лучок, горка соли, ломоть хлеба и след от грязного ботинка, который стал последним, что увидело яйцо в своей скоротеч-

ной жизни. Словом, яйцо уже до того, как я его раздавила, выглядело нездорово, если судить по цвету, – да я тебе жизнь спасла.

– А под ноги тебя смотреть не учили?

– А ты, видимо, уши с утра не помыл! Не мог меня не слышать! – разошлась я. – Ладно, мы оба слегка погорячились. Я – Разэль, – протянула руку, но ответного жеста не последовало.

– Вален, – бросил вампир, сев на корточки возле стола и сгребая в кучу остатки трапезы.

– Приятно познакомиться, – я вытряхнула из просторов черепной коробки остатки знаний об этикете. Знал бы он, чего мне стоила подобная противная любезность! Чего приятного может быть в знакомстве с незнакомым вампиром? Может, в будущем от нашего знакомства будут одни неприятности? А то и две дырки на шее! Разве можно считать это приятным?

– Не могу ответить тем же, – ответил он, поднимаясь. Видимо мысли мои прочитал. Грешат они порою этим богомерзким делом.

– Вот как? Честно говоря, я тоже в гробу мантыровом видела это знакомство. Тоже мне, пижон! Отрыжка ночи! – меня разобрало от напыщенного и циничного тона незнакомца. Что это он считает, ночью заклеянный и можно нос задирать? Так бы и щелкнула по нему для профилактики!

Вампир, пропустив мимо ушей мои лексические потуги, и набрав побольше воздуха, свистнул, что было мочи, вероятно, подзывая гуляющего неподалеку коня. У меня имелся другой способ – я отправила Аличку разыскать тупое животное, поскольку мой скудный свист он нагло игнорировал. Граф мой, без обиняков, был действительно немного туповат, но что поделать, дареному коню в зубы не смотрят. Хотя зубы-то у него, как раз, ой как хороши.

Из леса, под стать крепко и хорошо сложенному владельцу, выскочил, сотрясая на ветру черной роскошной гривой и сверкая красными глазами, внушительных размеров конь. При каждом движении под его влажной упругой кожей перекачивались мышцы, показывая мощь, силу и грацию животного. Конь, как и Граф, был вороным, но размером мое подоспевшее животное уступало namного. Кинув презрительный взгляд на незнакомую черную компанию, конь вампира уткнулся влажным носом в хозяйское плечо и удостоился дружеского похлопывания по холке.

– Ты не проводишь до долины? – сухо вато и как можно более высокомерно поинтересовалась я у неразговорчивого вампира.

– Я в ту сторону, – уклончиво ответил он, грациозно запрыгивая на гору мышц. Вот акробат. Я на своего-то карлика с великолепной растяжкой карабкаюсь с трудом, а тут один прыжок и оседлал. Начала сожалеть, что раздавила его яйцо, а не лицо и размышлять, отчего вампир такой злой, ведь яйцо еще до меня пахивало сальмонеллезом. И, чует сердце, это не самое страшное...

Вампир пришпорил коня и рванул с места с такой прытью, будто за ним гнался сам дьявол. Пришлось пинать и лягать любимого Графа, не желавшего спешить за черной кучей мышц, которой уступал и в скорости и в прыгучести. Наконец, Вален сжалился и перешел на рысь, но, даже когда я с ним поравнялась, не снисходил до разговора или хотя бы взора в мою сторону. Я чувствовала его отсутствие при его присутствии. Стоит признаться, ощущение не самое приятное. Аличка пыталась его разговорить, но скрытный чертяка отвечал лишь короткими ничего не значащими фразами.

– Вы все вампиры такие вредные? – разозлилась я.

– Зависит от собеседника.

Через полчаса упырь остановился около ручья, спешился и принялся поить коня, не обращая на меня ни малейшего внимания. Деликатно выждав минут десять, я спешила, а когда терпение закончилось, чуть менее деликатно поинтересовалась:

– А где долина-то?

Он махнул рукой на запад.

– Но... ты же сказал, что едешь туда! – оторопела я.

– Я сказал, что еду в ту сторону, – улыбнулся он, как мошенник, срезавший кошель у ничего не подозревающего богача.

Хватая ртом воздух, словно вброшенная на берег рыба, я уставилась обиженным взглядом на вампира. Вот поганец, обманул, сказав правду. Как неприятно чувствовать себя облапошенной... Отвернувшись, я нервно всхлипнула, сдавливая стоны, и поведение Валена разительно изменилось.

– Ты что? – как-то неуверенно протянул он, отходя от воды.

– Забудь, – размазывая наигранные слезы рукавом по лицу, хмыкнула я. Мельпоменскую статуэтку мне, товарищи, Мельпоменскую статуэтку!

– Раэль, да? – переспросил мужчина. Голос его как-то сразу изменился, мягче стал, сговорчивей. – Долина недалеко. За этой рощей. Если прислушаешься, можешь даже различить гудение толпы на рыночной площади. Ты вовремя приехала в Горлен, в это время суток только закипает жизнь, – вновь наклонившись к воде и намочив тряпку, поведал незнакомец. Который раз убеждаюсь: женские слезы – безотказное оружие и бьют наповал. Да и необходимо записать, что на закате жизнедеятельность вампиров общины активизируется.

– Так какого мантыра ты меня мурыжил?

– Что? – он не расслышал. Или очень хорошо притворился.

– Извини, говорю, Вален, я... эм... действительно не хотела... плохого ничего. Ну, как-то так, – заверила я и собралась уходить. Пешком, ведь долина близко, но вампир остановил. Вот приставучий, а!

– Подожди, я провожу – может встретиться стража, – наскоро омыв коня и омыв водой свое лицо, вампир взял под уздцы животное и неторопливо побрел в сторону рощи, – так что привело тебя в Горлен?

Что ответить вампиру? Рассказать душещипательную историю о том, как василиск сожрал направление? Спросить, где тут маг и, пересказав ему мои зловключения, получить пинок под зад и вылететь отсюда? Сомнительное удовольствие, учитывая, что вампиры не особо любят чужаков и исследователей, а тем более чужаков-исследователей. Особенно сейчас... А если съедят меня заживо? Буквально...

– Подзаработать хочу, на мир поглядеть, себя показать, – да показать было что, поэтому вампир, тактично отвернувшись, усмехнулся в кулак, сделав вид, что закашлялся. Искренне сомневаюсь в подобных анатомических возможностях упыриного организма. – Вы вообще народ спокойный? Не агрессивный? На ночлег можете принять?

Вален добродушно усмехнулся:

– Смотри, к какому вампиру в дверь постучишь.

– Совсем как люди, – под нос себе заметила я.

– Вообще-то она от Яна... – фея не успела договорить – я пальцем заткнула ей рот и улыбнулась новому знакомому:

– Она у меня того... с расстройствами мышления, – заверила я.

Фея насупилась, слетев с моего плеча и заняв место между ушей Графа, за которые она любила держаться словно за поручни.

– Долина, – обозначил вампир, раздвинув нежные березовые ветви.

Перед нами, в низине, окутанная невесомым сизым туманом, раскинулась долина, которая с этой точки просматривалась целиком. Домики будто игрушечные – все выглядело таким, словно задумка архитектора, но никак не ее воплощение. В центре возвышалось нечто вроде дворца. Без куполов и высоких башен, здание просто возвышалось над остальными, без вычурных и пафосных знаков величия. Перед дворцом площадь размеров достаточных, чтобы разместить на ней фонтан, искрящийся радугой от заходящих лучей солнца и толпу упырей этак в двести, а может и триста. А от площади-сердцевинки большого архитектурного цветка,

отходили, лепестки прямых дорог, между которыми рассыпались дома. Если сделать быстрый набросок карты города – получится солнце... странный оксюморон...

– Уау, – протянула я после долгого молчания, завороженная невиданным зрелищем. Чем-то отдаленно напоминает эльфийские воздушные замки. Никогда не думала, что скажу нечто подобное про злобное упыриное логово.

Вампир лишь улыбнулся и, не взглянув в мою сторону, бросил на прощание:

– Надеюсь, больше не увидимся.

– А как спуститься вниз? – долина расположилась у подножия горы, на которой мы стояли. А спуск с этой горы ни одна живая душа на своих двоих не переживет без переломов, не совместимых с комфортной жизнью. В двух шагах под ногами земля резко уходила вниз, начинался пологий спуск. Хорошая система защиты от непрошенных гостей, не имеющих крыльев. Я словно прочитала мысли.

– Одним путем, – посвятил вампир и...

Процесс трансформации в летучую мышь я увидела впервые. Голова и плечи мужчины, обернувшись вязкой эфирной субстанцией, через мгновение вспорхнули головой и крыльями летучей мыши, которые неведомыми силами, вобрали в себя эфирное тело Валена, став полноценной... точкой на горизонте. Конь, надменно фыркнув в мою сторону, принялся рыть копытом землю. Тоже мне, нашел время для развлечений! Или он намекал, что если сунусь в долину – меня в скором времени закопают?

Плюнув на вампира и его коня (жаль, не долетело), я решила, что справлюсь самостоятельно, как всегда. По крайней мере, мне хотелось в это верить – на кону поступление в школу. А я должна поступить, хоть и не очень хочется. И если вампир думал, что таким способом отведит любопытную зеваку от своей любимой родины – он жестоко просчитался. Ну, родина, берегись – ты попала! В принципе, попали мы обе...

Ревизия места предполагаемого спуска заставила пригорюниться и боевой пыл несколько погас. Из мягкой и ласковой травы, усыпанной, словно бархатное одеяло, бусинками разноцветных цветов, зловеще выглядывали коряги – корни некогда растущих здесь деревьев. Значит, ни на ногах, ни на... э, в общем, без посторонних предметов спуск несколько опасен для жизни. Для достоверности пнув торчащую поблизости корягу, я взвыла. Аличка засуетилась вокруг и предложила гениальную идею:

– Зимой ты очень любишь кататься с горки, – начала она издали.

– Да! Но зимой мне не грозит зацепиться прямой кишкой за корягу и свернуть себе шею! Причем неизвестно что лучше – первое, или второе!

– Раэль! – возмутилась она, махнув кулачками, – поскольку спуск несколько пологий...

– Несколько? Ты находишь? – я недоуменно подняла бровь.

– Я обижусь и улечу обратно в Эсаил! – пригрозила она.

– Ты только обещаешь!... Все, молчу-молчу, – расчесывая Графу гриву, клятвенно заверила я.

– Поскольку спуск проблемный, – она выдержала ахматовскую паузу, – то необходима ледянка!

– Ледянка? Где я тебе сейчас достану ледянку?

– Эх ты, темнота! Это прием литературный. Поройся в мешках и подыщи что-нибудь подходящее...

Гениально, что и сказать, хотя все-таки как-то рискованно. С другой стороны, как говорят эльфы, кто не рискует, тот не живет вечно, если не учитывать, что эльфы итак немного бессмертны.

Оказывается, есть среди моих вещей хоть что-то стоящее – огромная железная тарелка, больше напоминающая мини-тазик. Брала для приготовления пищи на костре и подумать не могла, что придется найти ей более экзотическое применение. Испробовав ее на прочность

ударом о корягу, а затем, примерив на жизненно важный предмет (коим не являлась голова), я окончательно пала духом. Нет, тазик-то как раз был под мои размеры...

Другого выхода не было. Бросив предсмертный взгляд на фею, которой ничего не стоит слететь вниз (крылатая с оптимистическим настроем демонстрировала мне большие пальцы рук), затем на Графа, который безразлично жевал траву и, разве что не мычал, я скомандовала «Поехали!», заняла вакантное место в тазике, закрыла глаза и махнула рукой.

В этот момент я являла собой жуткое зрелище. Со стороны вполне была похожа на безумное умертвие, решившегося в одиночку захватить долину. Придерживая тарелку за края, чтобы не выпасть (это мне вряд ли грозило, потому, как попа прочно застряла в посудине), подпрыгивая на каждой кочке, крутясь на триста шестьдесят градусов по всем осям и направлениям, и вопя, как прокаженная, я твердо решила, что передумала спускаться! Но наглая сила тяжести плевала на мои думы, силу трения и хотения, усердно тащила вниз.

Приземление было куда приятнее спуска. Не потому, что меня мягко выгрузили в стог сена (я таки как раз уткнулась носом в подозрительно пахнущую кучу и, вероятно содрал колени, стояла тарелкой кверху на камнях), а потому, что этот кошмар закончился. Мышцы зудели и постанывали в необычных местах, отчего казалось, что сломано все до последнего хряща и косточки.

– Ну, ты как? – радостно возопила фея.

– Выдрец полный! – заявила я, предпринимая жалкие попытки подняться и освободиться от моего спасительного средства передвижения. Фея покраснела, вновь заслышав троллий язык и почему-то решив, что это непременно ругательство. В приличном обществе, конечно, выдрец не говорят, но в неприличной ситуации – вполне себе уместно.

Спустить коня при помощи левитации предметов, пусть и одушевленных оказалось куда легче, чем высвободить меня из спасательной посуды. Это с учетом того, что Граф усердно молотил копытами воздух, оторвавшись от земли, и ржал так, что уши закладывало. Все-таки помощь феи в некоторых делах просто неоценима, заключила я, оказавшись со всей своей братией внизу.

С легким сердцем мы повернулись к городу.

– Хм, – пискнула фея, я присоединилась к столь точно описывающему ситуацию замечанию. Легкое сердце мгновенно отяжелело.

Города не было. То есть, в самом деле не было. Пустота, чистое поле, ошетилившееся головками васильков и раскинувшееся до самого горизонта, даже не стало пологого спуска, по которому я так героически скатилась на железной тарелке. Кстати, даже уцелела, сломав лишь ноготь и порвав рукав черной рубашки. Упоительная радость от созерцания моих членов в целостности и сохранности в положенных местах быстро сменилась праведным гневом. Это что же получается, ... я чуть не угробилась из-за фантома? Отменная же в Горлене оборонительная система, как пить дать, еще те душегубы населяют долину! Нужно запомнить этот исторический момент, ибо именно с него начинается моя официальная антипатия к упырям, основанная не на выдумках моей учительницы, а личном горьком опыте.

Оглянувшись по сторонам, мы сделали несколько шагов вперед – ничего. Все то же поле, ласково улыбающееся цветочками паразитки-повилики, дремлющими одуванчиками и лютиками, сонно позевывающими розочками кустов шиповника и только просыпающимися пятнами ночной фиалки и горицвета. Ну, хоть что-то же должно здесь быть, кроме необъятного поля! В этот момент всплыли слова учителя, произносимые каждый раз одним и тем же наставническим тоном, мол, «кто ищет, тот всегда найдет» и «порой мы смотрим, но не видим». Зачастую, в магии стоит отталкиваться от этих слов, которые выдумали еще предки наших предков, судя по толщине измаранных ими фолиантов, бывшие жутко умными или дюже словоохотливыми. Потому, настроив себя на внутренне видение, я сделала еще пару шагов вперед, и, представив, что передо мной прохладная, уже пропитанная наступающим холодом сумереч-

ного времени суток стена дома, провела по ней рукой. Действительно, под ней обрисовался четкий контур светло-серого дома, слегка шершавого и прохладного. Постепенно в поле зрения появился дом целиком, улица, дороги, вампиры, ... словно подернутая дымкой, долина смахивала с себя бремя невидимости как пыль. Оказалось, на тарелке я заехала прямо на ярмарочную площадь, которую, видимо, и описывал Вален во всех красках. Странная эта долина Горлен. ... Чем-то напоминает мне родной Эсаил с его сизыми туманами и многочисленными иллюзиями. ... Что более странно – я не распознала сразу осязаемую иллюзию. Словно магия, обитавшая здесь, имела иную структуру, отличную от той, что окружала меня с самого детства. Она не поддавалась моему пониманию и контролю. Отчего-то по спине пробежали мурашки, и мне хотелось, чтобы действие защитного заклинания поскорее развеялось, очистив воздух от остаточной непонятной энергии.

Вокруг толпились вампиры, изредка окидывая меня надменным взглядом из-под припущенных ресниц. Судя по всему, эльфа во мне не разглядели, либо на площади собрались самые политкорректные вампиры Нории.

Время позднее, луна уже начинала перенимать дежурство у почти растаявшего на горизонте солнца, а у них торговля на рынке полным ходом. Более того, я подросла к какой-то пышной ярмарке, или празднику мира и равноденствия, ибо площадь была полна не только вампирами, но и гномами, троллями, снующими туда-сюда. Пару раз мне показалось, что в толпе, наглухо закрывшись капюшоном, проплывали эльфы. Для заморских купцов, вроде людей, зажгли пару фонарей, рассекающих неуютную глазу полутьму. Граф, тупое животное, быстро затерялся в толпе, но фея, заверяющая, что у них с конем духовная связь, обещала его в нужный момент из-под земли достать. Причем, в буквальном смысле, и прецедент уже имелся. Давеча, повадился к нам на участок за Учительской репой кротопырь ползать. Понарыл ходов – вокруг всего дома, что ступать было страшно, то и дело проваливались по самые ягодички, и потом еще весь день жесткая сухая Сиримская почва хрустела и кололась в сапогах и более потаенных местах. Долго мы терпели, ведь кротопыри занесены в Книгу Исчезающих Нетопырей и на их истребление необходимо специальное разрешение Совета Магов получить. Решили изловить зверюгу, потому послал меня Учитель в город за клетью. Долго мы Графа искали, чтоб до города съездить, пока Аличка не отыскала-таки. Утоп, скотина, по самую холку, и ни вперед, ни назад, ни на поверхность выбраться. Так и пришлось его из-под земли вытаскивать. Причем, Аличку угораздило поспорить, что коня она найдет первая, ведь у них с ним духовная связь. Связь-то у них с конем, может и была, да только Графу, по ходу, о ней не доложили, потому фея пыталась вытащить коня из-под земли, а мы с кротопырем на это дело глядели и обхохатывались. С тех пор, сдружился мы как-то с нежитью, он переселился на соседский огород, стал нам время от времени репу приносить, да Зеленику отходами жизнедеятельности удобрять. Так и повелось, что коня искать – Аличкино дело, потому я особо за Графа не волновалась. В самом деле, что он может сделать? Как и я – ничего смертельного.

Прилавки были расставлены странными группами. Семь рядов по одинаковому цвету на ряд, словно гости приехали целой делегацией, а остальные рассыпались хаотичными аляповатыми пятнами. В одноцветных рядах торговали оружием, мехом, мясом, медом, зельями, цветами, картинами, книгами, в общем, всем, чем только можно и нельзя, в аляповатых – всем остальным. Так что будь я заядлой покупательницей и отоваривальщицей, ушла бы с полными сумками, но без последних штанов. К счастью, штаны мои остались при мне, но все же удержаться от растраты казенного медяка я не смогла, завидев в одной из палаток широкий выбор фруктов. Фрукты я обожала, особенно яблоки: бардовые, сочные, хрустящие. При виде крупного красного фрукта у меня заунывно засосало в желудке, словно там завелся болотный сосальщик, поэтому, кинув медяк зазорно улыбающемуся усатому человеческому продавцу, я ухватила за самый крупный плод. Не тут-то было. Тот же плод облюбовала наглая мужская рука, причем, я видела – не заплатившая и медяка. Не желая уступить, наши руки вцепились

в яблоко как червяки с двух сторон и подняли его над прилавком. Яблоко раздора недоумевало вместе с продавцом. Взглянув на соперника, я вознегодовала:

– Ты?! – воскликнули мы одновременно.

– Как ты сюда попала?

– Одним путем! – огрызнулась я, хлестко ударив Валена по руке, вцепившейся в мою добычу. Продавец покраснел, когда я апеллировала тем, что первая заплатила за фрукт и если вурдалак хочет разжиться таким же, то пусть соизволит раскошелиться, а то, видите ли, повадился чужие покупки тащить прямо из-под носа.

– Возьмите деньги, только отдайте господину яблоко.

– Деньги не возьму! – мужик одобительно улыбнулся, – и яблоко не отдам! – вырвавши фрукт, я ухмыльнулась, показав язык Валену и подмигнув побелевшему продавцу. Вслед мне полетело злобное:

– Ну и катись!

– Чего? – гневно воскликнула я, прекрасно понимая, на какую железную тарелку и на какой героический спуск с победным воплем намекает черноволосый хам. Видимо мое появление в долине не осталось незамеченным и я действительно, на мое счастье, попала на конференцию под названием «Политкорректность. Издеваемся, не показывая вида». Вслед мне полетело данное ругательство, и я, не удержавшись, послала ответ, который, стукнувшись о затылок Валена, со смачным хрустом разлетелся красными искрами, – можно мне еще? – обратилась я к продавцу, – штук пять!!!

Вампир распластался на пыльной мостовой, потирая затылок, а это как-то невежливо с моей стороны. Надо бы еще и бока ему размять, чтоб знал наших. Именно с этой целью я и накладывала полную сумку яблок. Тут, по неведомой причине, мне начали смутно припоминаться правила, которые безрезультатно вдавливал в мою девичью память учитель. Заметив, что прохожие на меня нездорово уставились, я немного сконфузилась:

– Хотел товар из-под носа увести! – громко объявила я окружающим, мило улыбаясь и пытаюсь с безобидным видом затолкать яблоки поглубже в сумку. Когда народ перестал толпиться возле нас, поняв, что продолжения сцены не будет, я подошла к сидящему на мостовой вампиру и, как можно тише, чтоб не дай боже кто не услышал, протянула:

– Ты, это... прости. Я не то, чтобы хотела...

– Пустяки, – поднимаясь, заверил вампир.

– Но я же...

– Пустяки! – откидывая спавшие на лицо черные смолянистые пряди, настойчиво повторил он, – А ведь я был уверен, что мы больше не встретимся!

К моему счастью, вампир не процедил эти слова сквозь зубы, даже не прикрыв оскал вежливой улыбкой, а действительно ухмыльнулся. Если можно назвать ухмылкой плутоватые огоньки в глазах и чуть вздернутый уголок рта.

– Да... пологим спуском меня не отпугнешь.

– Вы обратили внимание на творческий подход к проблеме? – поддакнула фея, за что отправилась щелчком пальцев в воспитательный полет, – нахалка!

– Ведьма, – добродушно бросила я.

– Иди уже, – отряхавшись, Вален послал меня куда подальше, лишь бы больше не встречать. Пожелав ему того же, я с чистым сердцем (конечно, еще не хватало, чтобы у вампира на меня был камень за пазухой, я же на него осиновый кол не держу, хотя есть все основания!) двинулась своей дорогой. Собственно, дороги у меня не было, поэтому я отрешенно брела сквозь толпу, куда стопы ведут.

Конь мой потерялся. И сколько бы Аличка не налаживала свою с конем духовную связь, она плодов не приносила. Но вскоре от очевидцев мы услышали, что какой-то пони отведен на штраф стоянку за то, что решил пить из местного фонтана, перед этим опустошив поло-

вину прилавков с овощами и опорожнив кишечник прямо на ботинки старейшины. Распознав в пони свою лошадь, я еще раз в сердцах бросила «тупая скотина» и твердо решила, что заберу утром свои вещи, а пони подарю в цирк или детскому саду, а лучше сдам в зоопарк, там ему самое место!

Безрезультатно прогулявшись по рынку, и наглазевшись на результаты трудов норийских производителей, я выбрела на одну из лучеобразных главных дорог, которые, судя по делегированной мне карте, неизменно ведут к дворцу Князя, если с них не сворачивать. На дворец, а тем более на упыря упырей мне глядеть не особо хотелось. Найти ночлег, а на худой конец какой-нибудь еще не занятый и внушающий доверие куст можжевельника, украшающий зеленеющие травами обочины – вот что стояло на первом месте. Я ведь не упырь сама, поэтому спать хочется совсем по-человечески, если не брать в расчет мое эльфийское происхождение.

Вскоре желанию суждено было сбыться, и ночлег нашелся. У него даже имелись стены и крыша, но уж лучше бы я прилегла под кустом можжевельника...

Бодренько вышагивая по главной дороге и изредка заглядывая в темные для меня, но светлые для упырей переулки, я дотопала до одного неприятного, ведущего к другой главной дороге закоулка. Сердце остро кольнуло тревога и чей-то страх. Я на секунду замерла и повела носом. Воздух наполнен злобой и ненавистью... Два вампира, громко и смачно ругаясь, пинали ногами темную фигуру, размахивая для устрашения мечами. Глаза подернуло черной пеленой.

– Даже не думай! – завопила Аличка, тряхнув длинными солнечными волосами. Фея чувала серьезную опасность и мое поспешное намерение вмешаться. Я ведь в каждой бочке затычка и сей факт меня совершенно не смущал.

– И не стану, – процедила я, предвкушая заварушку.

Решительно шагнув в переулок, я потревожила вампиров, которые, деликатно дождавшись пока приблудившаяся незнакомка подойдет, вежливо поинтересовались:

– Заблудились? – они тщательно прятали за спинами фигуру, судя по всему, молодой женщины, из груди которой вырывались влажные тяжелые хрипы. Мне сразу бросились в глаза их ярко-красные, как у меня, волосы. Они тоже недоверчиво покосились на мою шевелюру. Наверное, красный цвет здесь пик сезона. Как пошло для вампиров!

– Да нет, я целенаправленно к вам шагала. Предложение есть.

– Какое, интересно знать, – гнусно пробасил один из них, совсем не детским голосом и совсем уж не по-детски продемонстрировал мне клинок, явно не с целью продажи.

– Отпустите даму и мы разойдемся по-тихому.

– А если нет? – рассмеялся мне в лицо второй, так же выставив вперед лезвие, начищенное до легкого голубого блеска. Я сразу узнала работу гномов из Каменных Мытищ. Такие отменные, но дешевые клинки изготавливают только они. Эти мечи пользуются большим спросом у жителей Нории, правда, вот в Сириму не поставляются, что меня весьма озадачило. Я стряхнула не вовремя развившуюся умственную активность.

– Придется разойтись по-громкому, – из моих уст то прозвучало как-то мрачно и обреченно, – посему настоятельно рекомендую решить все по-тихому.

Судя по всему, у нас было разное понимание «тихого решения проблемы», потому как вампиры начали наступать, высунув перед собой умелую работу гномов. Ну да, героизм-то проявила, а о дальнейшем развитии событий подумать как-то не удосужилась.... Затравлено озираясь по сторонам, словно пойманная в мышеловку мышь, помощи со стороны не заметила. Только плотно сомкнувшее нас кольцо темноты и холодные стены, жмущиеся друг к другу с двух сторон. Придется поступать как мыши, загнанной в угол – бросаться на противника. Эх, сейчас бы меч и я б им нос утерла. В этот момент, прочертив из-за спин вампиров в воздухе голубоватую дугу, мне в руку упал меч. Спасибо издававшей предсмертные хрипы девице. Видимо, не такие уж они и предсмертные. Или она не девица?

– Ну, мальчики, – воодушевилась я, разрубив лезвием воздух и примеряясь к оружию, – пришло время действительно вас попросить!

Я с радостью ловко отбила первые изучающие удары вампиров, затем пустила в ход экспресс-заклинания, ослабив реакцию противников и наоборот обострив все свои чувства. Этому трюку меня научили еще в Эсаиле, когда я была маленькой девочкой, и он не единожды спасал мою бездумную голову. Разбойники словно помещались в плотный кисель, их движения становились плавными, слегка замедленными, плотность воздуха для них увеличилась, что позволило мне беспрепятственно сражаться с двумя вампирами сразу. Будет о чем похвастаться перед учителем. Хотя нет, за это он меня прикопает рядом с безвременно почившей зеленикой в качестве перегоня. Фея пришла мне на помощь, пустив в глаза вампирам золотую пыль, а я, подловив нужный момент и увернувшись от слабого удара наобум, обезоружила противников, обзавелась вторым мечом и, приперев их к противоположным стенкам, поднесла кончики мечей к kloкочущим кровью горлам. Вампиры тяжело дышали, а я, вообразив себя буквой Т, переводила взгляд с одного противника по левую руку, на другого по правую.

– Ты не представляешь, с кем связалась, – сжав в руке лезвие, от чего из его ладони проступила багрово-черная кровь, решил напугать один из них. На тыльной стороне его ладони я заметила татуировку в виде белого волка. Волки, согласно фольклору, самые ярые враги вампиров, а эти явно были вампирами. Ничего не понимаю....

А если подключить логику? Где у нас делают наколки – на зоне. На зоне? Значит он простой рецидивист. Или камикадзе какой-нибудь. М-да, пускай уж логика и дальше отдыхает...

– Представляю, – абсолютно спокойно заявила я.

– Да, представляет! – поддакнула фея, танцующая на лезвии клинка.

– Вы подонки, каких еще поискать! Но я отпускаю вас на этот раз, даже отдам оружие, – я возгордилась своим благородным поползновением, но не была уверена, что поступаю разумно.

– Лучше убей, чем такой позор, – сплюнул второй. Руки начали уставать от неудобной позы с утяжелением, и я уже сожалела о пропущенных пробежках по утрам, силовых упражнениях и уроках фехтования. Решение дилеммы «идите с миром» и «иди ты со своим миром» нужно было находить незамедлительно.

– Если тебе важно, то живи и восстанови свое имя! Смой с себя позор, – предложила я, опуская лезвие от его горла, – ну, а ты что решил?

Я обратилась к первому, судя по всему, самому неразумному из них двоих.

– То, что должен... – схватившись за лезвие, отчего фея, оставив облачко золотистой пылицы, вспорхнула в воздух, он с хрустом вогнал мой меч себе в грудь. Из рта вампира заструилась бардовая вязкая кровь, а глаза, последний раз сверкнув искрой жизни, вмиг остекленели.

Я резко одернула руку и судорожно вдохнула. Первый разбойник, не меньше меня напуганный исходом их нападения на женщину, уронив на землю срезанный у жертвы кошель, бросился наутек. Растерянная, я вынула меч из тела вампира и аккуратно, чтобы мужчина не рухнул, положила его на мостовую. Я не хотела его убивать, но эта неожиданная смерть выбила землю у меня из-под ног, я словно опьянела мгновенно, не зная, что делать. Кое-как собравшись с мыслями, попыталась обнаружить признаки жизни. Жизни не нашла, хотя, не уверена, что она там была изначально, зато испачкалась по локоть липкой и пахнущей сырой землей кровью.

Оставив вампира, словно пьяная, я склонилась над девушкой. Ситуация была та еще. Из распоротого живота женщины едва не вываливался кишечник. Судорожно припоминая, какие у меня с собой зелья, я рылась в мешочке. Увы, моих знаний было катастрофически мало, чтобы спасти ее, а магией такого уровня я не владела. Будь здесь умелый маг-врачеватель, уверена, он бы пару раз плюнул-дунул и кишечник бы еще долго служил его неумирае-

мой хозяйке, хотя, ума не приложу, какие функции он выполнял. Но на ее беду в подворотню зашла я...

– У нее внутреннее кровотечение, – резюмировала фея, которая по совместительству являлась отличным лекарем и магичкой. Она могла черпать силу у меня, хотя имела свой немалый запас. Все усилия помощница бросила на остановку кровотечения, а я, найдя зелье, попыталась успокоить внезапно свалившуюся на нашу голову жертву, которая явно была вампиркой:

– Все будет хорошо, – поглаживая ее медно-рыжие волосы, утешала я, хотя дрожащие руки, вместо успокаивающего поглаживания делали ей пошлепывающий массаж головы, – я не дам тебе погибнуть.

– Смелость... – прохрипела она. – Самоотверженность... честь...

– Вам нужно беречь силы.

– Медальон...

Ее рука из последних сил сжимала медальон. Половинка сердца, из простого, на первый взгляд горного хрусталя, на кожаном шнурке. Заляпанный кровью, он казался половинкой живого трепещущего сердца.

Позади меня раздались шаги, я нервно обернулась, схватившись за меч – подросла еще одна девушка, чуть старше. Блондинка, но очень похожая на умирающую вампирку. Она, вздрогнув при виде трупа разбойника, бросилась на колени перед сестрой:

– Сестра, милая, прости меня! О, господи, что я наделала!!! Не умирай, пожалуйста, только не умирай...

– Что это за медальон? – в моей ладони умирающая вампирка зажала окровавленный камушек.

– Я не знаю... не знаю, – заливалась слезами блондинка, – вы сможете ей помочь? – глядя на колдующую фею, искрящуюся золотой пылью и то, как я пытаюсь зашить пропоротый живот, при залеченном Аличкой кишечнике, рыдала она, – помогите же ей!

– Не мешайте, прошу вас, – едва не сорвалась я, не понимая, почему ткани не сращиваются при помощи магии, и приходится прибегать к традиционной медицине. Ее тело словно отторгло мою магию. Возможно, конфликт магии жизни с сущностью вампира, пропитанной смертью...

Фея тяжело дышала, черпая силу уже из моих запасов. Это не преминуло отразиться и на мне. Судя по всему, кровоточила артерия, и фее не хватало собственных источников. Девушка все тяжелее дышала, повторяя одни и те же слова:

– Берегите медальон... он должен жить... он в опасности... берегите медальон...

Я уже корила себя за то, что по доброте душевной вляпалась в какую-то бандитскую историю с медальоном. Но отступить было поздно.

– Она умирает, – я закрыла лицо руками, соображая, есть ли еще способы спасти девушку.

Блондинка встрепенулась, вскочила на ноги и потянула меня за руку:

– Они близко, нужно бежать, идемте!

– Я не брошу ее! Еще есть шанс, я должна его найти... – заявила я, ошоловело глядя в пустоту перед собой. Вампирка, одарив меня долгим взглядом, не стала переубеждать и убежала прочь, цокая каблучками по внезапно опустевшим улочкам. Что спугнуло ее?

Сердце нашей невольно подвернувшейся пациентки остановилось, хотя до этого билось достаточно отчетливо:

– Нет, я не дам тебе умереть. Бейся! – нанося удар в центр грудной клетки, крикнула я, – бейся! Ты должно биться!

Фея обессилено упала в обморок. Положив беспамятную подругу в передний кармашек рубашки, являющийся ее личными апартаментами во время дальних переездов, я приступила к искусственному дыханию.

– Отойдите от нее! – приказал кто-то. Я не расслышала с первого раза, всецело занятая спасанием жизни. Ни зелья, ни зашитая рана, ни старания феи, ни искусственное дыхание не помогали. Скорее всего, мечи были смазаны сильно действующим ядом, иного объяснения отторжению нашей магии я не находила.

– Это же невеста Князя!

Я оторопела. Похоже, у меня начались слуховые галлюцинации. Мне показалось, они сказали, будто бы это невеста Князя тут умирает. Оказалось – не показалось. Стража была настроена крайне воинственно.

Мать честная! Зачем я только поплелась в этот выдрючный переулочек?! Мне хотелось сквозь землю провалиться от одной мысли, что меня, благородного эльфа подобно одному из разбойников, пригвоздят мечом к стене без разбора полетов. И это еще будет высшим благоволением Богов! Я ведь понятия не имею, какая тут у этих дикарей система правосудия! Вряд ли они выдадут меня эльфам для справедливого суда, учитывая наше межрасовое прошлое...

Больно схватив преступницу, то есть меня, за руки, одетая в кольчугу и легкие шлемы стража попыталась применить силу.

– Ей надо помочь! Дайте мне помочь ей! – упиралась я, хотя прекрасно понимала, что помочь могу только с выбором куста, под которым можно прикопать хладное тельце.

– Ты уже помогла ей, дрянь паршивая! Убила нашу Княжну! – одним рывком поставив меня на ноги, злобно выругался стражник и потащил по темному переулочку, а оставшиеся, аккуратно подняв женщину, понесли ее в другую сторону.

В моей руке болтался компромат – окровавленный медальон. Еще чего недоброго решат, что ради него я душегубство и затеяла. Выкинуть как-то не решилась, все-таки умирающая очень просила его беречь, правда, зачем, от кого и для кого сообщить не удосужилась. Дернувшись, я надела камень на шею и, заявив, что сама могу идти, упала в обморок, подобно фее, от истощения как физического, так и магического.

Вот оно – место для ночлега: три стены, решетка, потолок – все не на улице бока морозить. Дармовые апартаменты заслужить оказалось проще простого, прихлопнул княжну – и ты почетный гость сих дивных мест. Очнувшись рано утром на холодном полу тюремной камеры в которой, судя по пыльной средневековой обстановке, я первый за долгие годы, или вообще первый и почетный посетитель. Гм, задержанный... или уже обвиняемый и осужденный. Кто знает этих вампиров. Зато материала для курсовой набрала уже столько, и такого разнообразного, что любой доктор и профессор обзавидуются. Интересно, если все так плохо с аппаратом принуждения, то где же те бандиты наколочками обзавелись? Прийти к блестящим выводам мне не дало острое чувство наполненности. Словно я воздушный шарик, который надули до предела и он вот-вот лопнет, если продолжить дуть. Оказалось, что я проснулась с полным объемом магических сил – впервые так быстро восстановилась, наверное, от хорошего сна в прекрасном месте. Горькой ложкой дегтя был противный вкус золотой пылицы феи во рту, которая, попискивая, была придавлена к полу моим телом. Приподнявшись, чтобы она могла выбраться, я снова рухнула на холодные камни, не желая и руки больше поднимать.

– Хорош валяться, пневмонию заработаешь! Нужно как-то отсюда выбираться. Я не хочу умирать, я еще так молода!

– Ну да, не-то, что я... Не ссы! Фей не вешают, не сажают и головы с плеч им не снимают!

– А ты откуда знаешь?!

– Ноксальная ответственность! – со знанием дела, я прошептала успокоительные для феи слова, – за тебя, как за раба и домашнее животное, отвечаю я.

– Ты сравнила меня с домашним животным? Меня? Благородную фею из благородного рода с животным? Я, меж прочим, не последняя в списке разумных рас! Не стыдно?

– Не-а, – без тени лжи, протянула я, впитывая телом пыль и прохладу тюремного пола. Эх. А наставнику обещала, что все будет хорошо, что будет мной гордиться,... уныло подумала я, занимаясь со скуки самобичеванием.

Где-то сверху (ну да, я ведь лежала), загремела железная решетка, скрежетнул ключ в замке и я поздоровалась с чьими-то хорошо начищенными ботинками из приятно пахнущей кожи телянка. Вандалы! Эти аристократические символы душегубства весьма неуместно смотрелись в моей скромной келье, в коей я должна была обдумывать свое скверное поведение.

– Здрасьте, господа ботиночки.

– Здрасьте, госпожа преступница, – как-то не приветливо поздоровались ботиночки, а вскоре и голова показалась, только вниз головой... гм, лицом... в общем, вампир нагнул, чтобы заглянуть в наглые глаза убийцы невесты самого Князя. Что-то лицо показалось подозрительно знакомым.

– Ты? – снова завопили мы в один голос. Вампир выпрямился, а я, как цапнутая раком, вскочила на ноги.

– Ты в курсе, что ты самый встречаемый вампир во всем Горлене?

– Так ты для этого явилась в долину? – на меня холодно уставились два черных глаза, в которых искрился весь мировой гнев и вся ненависть, которую только можно опрокинуть на убийцу жутко важной персоны. Нос, губы, брови и прочие части лица по силе свирепости не уступали глазам.

– Чтобы наткаться на тебя? – попыталась съязвить я, но поняла, что это было не к месту, – Вален, да я понятия не имела, что она была этой самой невестой.

– То есть, зная, что она Княжна – убивать бы не стала? На такие заработки ты сюда явилась?

Грубый, гортанный изменившийся голос вампира возбудил в моем теле легкую волну холода, которая мурашками пробежала по затылку, но, быстро стряхнув с себя провалившуюся попытку магнетизма, я отвесила вампиру оплеуху и получила ответную, от которой рухнула на холодный пол. На губах почувствовался солоноватый привкус крови.

– Как ты смеешь! – возмутилась фея, не боящаяся оплеух, – она всеми силами, рискуя здоровьем и жизнью, вырвала вашу невесту из лап двух разбойников-вампиров! Спасти ее старалась! А ты смеешь руку на девушку поднимать, да ты хоть знаешь, кто она? Это же скандал междуна...

– Аличка, довольно, – резко оборвала я, не в меру разговорчивую фею. Все поняв, Аличка успокоилась, а я поднялась и гордо вскинула голову, прекрасно помня, что эту тайну обязана хранить даже ценой собственной жизни.

– Ты сразу мне не понравилась, не нужно было пускать тебя в долину, даже не смотря на просьбы...

– Тебе-то что за дело? Я сюда не тебе нравится приехала, – откровенно хамила я, сверля взглядом вампира, – убирайся с моей территории. Это место для убийц, воров и насильников! Впрочем, ты уже показал, что способен на насилие, – я облизнула зудевшую рану на губе.

Вален, пропустив слова феи и мои мимо ушей и ни разу не поменяв выражение лица, объявил:

– Через час состоится суд. Если есть свидетели, можем вызвать, если есть родственники – пошлем похоронку, а также счет на услуги палача и послание похоронки.

– Вызовите ее сестру, – попросила фея, – сестру умершей.

– Аличка, – не поднимая взгляда, остановила я, – ты не понимаешь, что независимо от того, спасала я ее или убивала, мне уже вынесли смертный приговор?

Через час я сидела в зале суда, закованная в цепи и прикованная к лавке, как какой-то буйный и конченный ублюдок, вырезавший подчистую целую группу детей в садике во время

тихого часа. К счастью, меня не мучило жгучее чувство несправедливости судьбы, ведь в судьбу я не верила, а слова «если бы я прошла мимо...» в голову не лезли. Я бы не смогла пройти мимо. И, если бы даже знала, что все закончится именно так, все равно бы свернула и попробовала бы спасти княжну. Кстати, а какого лешего она одна бродила в потемках? Еще тот вопрос! Неудивительно, что ее пристукнули по-тихому... хотя нет, по-тихому как раз-таки не получилось.

Зал суда кишмя кишел вампирскими отпрысками, глядевшими на меня таким же уничтожающим взглядом, каким я смотрела на подкосившийся подо мной табурет, ставший виновником моей новой прически. Будто я собственноручно (образно выражаясь) всем нагадила в душу. Причем делала это методично, с большим усердием и улыбкой от уха до уха. Больше всего в этой ситуации было жалко Графа. Пропадет же скотина без меня...

– Всем встать! Обвинительный процесс по делу гражданки Раэль Яан ви Т...

Какого черта? Откуда они знают мое полное имя?

– ...ется открытым, – удар молотка, судья присаживается, смеряет меня уничтожающим взглядом, от которого должно бросить в пот, а бедная совесть обязана вгрызться в меня клыками, оставив умирать в страшных муках. Почему-то этого не произошло. Совесть глубоко спала лет восемнадцать, а пот от холода не выделялся. Хотя, зародилось подозрение, что они распознали во мне эльфа и сейчас вершится не правосудие, а жалкая и беспомощная месть за их же богомерзкие поступки тысячелетней давности. Глупая вражда, у которой истекли все сроки исковой давности и уголовной ответственности, все еще вклинивалась в отношения между нашими расами.

– Виновная, вам есть, что сказать? – вампир в возрасте скучающе уставился на меня, и, не дожидаясь ответа, продолжил, – хотя, низшим расам право слова законом не даровано.

Вот теперь бросило в пот. По залу прошелся липкий хохоток, а судья позволил себе выразиться в подобном стиле. В Эсаиле бы за подобное судье язык отрезали и скормили голодным гиенам! В правосудии вампиров я была жестоко разочарована. Наши арбитры выслушивают даже гоблинов и даже ради них готовы позвать шепот ветра, чтобы восстановить картину произошедшего. А тут...

– Обвинение...

– Сам ты низфая рафа! – бросила фея, сказавшая отчетливо даже при зажатом рукой рте.

– Простите? – грозно рявкнул судья.

Фея взмыла вверх, чтобы ни я, ни судья, никто другой не смог ее достать и начала речь в защиту великой и ужасной меня:

– Во-первых, обращаясь подобным образом к моей подзащитной, вы нарушаете пункт первый статьи третьей Норианского межрасового соглашения «О политических и гражданских правах разумных рас», в котором четко сказано «к разумным расам обращаться почтительно и уважительно, ибо все во истоках происхождения равны».

Моя голова с гулким треском повалилась на стол. Понеслась душа в рай... Я горько пожалела, что когда-то позволила Аличке закончить курсы правоведения.

– Во-вторых, подсудимую избивали в тюрьме, что категорически неприемлемо и нарушает сразу пять международных соглашений о гуманности, терпимости и правосудии! Посему мы требуем сатисфакции! Наказать избившего и смягчить наказание! В-третьих, презумпция невиновности! Прошу относиться к моей подзащитной как к невиновной, пока ее вина не будет доказана! В-четвертых, если вы не хотите самого крупного за последние двести лет дипломатического скандала с эльфийским народом, то советую хорошенько подумать, прежде чем...

– Аличка! – грозно рявкнула я.

– Угломоните это существо, – попросил судья, за что удостоился гнева феи, схватившись за глаза. Рыча, как волк и тщетно растирая слезившиеся и покрасневшие зеницы, судья завопил:

– На виселицу ее!

– Аличка! – крикнула я. Глаза судьи вмиг перестало жечь, а шаловливая фея гордо, скрестив ножки, уселась на мое плечо с триумфальным видом, словно только что отстояла в смертном бою мать-родину.

Судья, не веря в свое счастье и в то, что видит своими глазами окружающий мир, засопел. Но хороший знак – как-либо оскорблять меня более не решался и, поерзав на стуле из красивого красного дуба, дал слово обвинению.

– На месте преступления обнаружен зарезанный подсудимой мужчина. Вампир, возраст семьдесят девять лет. Разведен, – нудно начал прокурор, щипнув себя за длинный ус и оставившаяся после каждого двух слов, стараясь разобрать явно не свой почерк.

– Местный? – попросил уточнить судья, ехидно улыбаясь в мою сторону.

– Нет. Он из банды Волка, – по залу прошелся изумленный «ох» и раздались шепотки.

Только сейчас до меня в полной мере дошел весь смысл сложившейся ситуации. Ведь шутки кончились. Я находилась в незнакомой стране, где эльфов на дух не переносят и хватаются за каждую возможность припомнить старые обиды. Здесь не было Учителя, не было Директора, не было даже письма от Директора и старого друга Директора, не было совершенно никого, кто бы мог встать на мою защиту и оградить от того беззакония, которое творилось в угоду веселившейся толпе. Я была в этой общине чужаком, убившим их Княжну. И это для них весьма удобно. Мне стало действительно страшно, потому что через каких-то пять-десять минут вся моя жизнь может быть распланирована совершенно не так, как бы этого хотелось мне. К тому же, если в Эсаиле узнают, что я мертва... Эльфы мстят за своих и мстят очень сурово. Пришлось засунуть подальше гордость и защищаться, несмотря на то, что мне всего восемнадцать и юношеский максимализм бьет ключом.

– За избавление вашей славной общины от бандита вы меня судите? Он, кстати, сам вогнал меч в грудную клетку, прошу внести это в протокол! – я попыталась вскочить, показав свое негодование, но, гремя цепями, плюхнулась на лавку, – еще был второй!

За спиной раздалось какое-то удивленное шуршание. Судья и прокурор устали в толпу. Я невольно оглянулась – все смотрели на поднявшегося. Мужчина, вампир, второй разбойник, которого я отправила восстанавливать доброе имя, только он начисто сбрил свои роскошные красные волосы и явил миру блестящую лысину.

– Зачем вы поднялись? – не понял судья, насупив брови.

– Я второй, – заявил он и демонстративно сорвал бинт с ладони, прикрывающий татуировку – голову волка. Публика вновь охнула, для того тут и находилась, чтобы создавать фон и нагнетать обстановку. Ну не пишут же они все курсовую, как я. А для курсовой заметим, что преступность здесь либо низкая, либо преступников попросту убивают на месте, потому как тюрьмы пыльные, судья никчемный, прокурор дилетант, а народ пришел на суд, как на диковинный редкий праздник. Хреноваستنенько одним словом у них с правосудием.

– Вы понимаете, *что* вам грозит за это признание? – аккуратно поинтересовался прокурор, недоуменно привстав из-за своего стола.

Мужчина вышел из ряда слушающих, и занял пустующее место защитника рядом со мной. Или же обвиняемого. Как решит великий закон Горлена. Или не менее великое беззаконие и воображение судьи. Две статуи горгулий, горделиво восседающие по правую и левую стороны от судьи, смирили мужчину злобным взглядом. Словом, они на всех косились с равной злобой, потому как – нежить, и потому как статуи.

– Она действительно не убивала. Рауль сам вогнал себе меч в грудь. Также должен был поступить и я, но...

В зале повисла тишина. Вампир здесь имел право голоса, даже вампир, который совершил преступление. Его слушали, и сказанное им слово имело вес, что вселило в меня немалую надежду на то, что срок скостят, хотя бы лет до 70.

– У меня дома беременная жена и дети, – чуть ли не со слезами на глазах выдал он, а зал с еще большим вниманием уставился на вампира. Эка невидаль, многодетная семья. – Вы же не берете презренных куитов на работу. Пришлось вступить в банду, чтобы хоть как-то прокормить свою семью! Я ведь отец! Муж!

– А удар княжне, разумеется, нанесли не вы, а... Рауль?

– Рауль. В этом деле я чист. Я зажимал ей рот, чтобы не кричала, но она стала сопротивляться, и он случайно полоснул ей по животу. Потом ударил в грудь коленом, не помню точно. Она упала на дорогу, и мы срезали кошель. Там было много денег...

– Значит, вы еще и ограбили!

– Нет, – теперь вступилась я. – Он не взял денег.

– Как благородно! – улюлюкнул прокурор, предвкушая вместо одного обвинительного приговора два. – И зачем же вы, отец семейства, вместо того, чтобы украсть кошель и обрадовать жену новым подарком пришли сюда защищать незнакомую вам девицу? Вы куит, а не умалишенный. Вам прекрасно известно, чем все это закончится.

Все больше удивляюсь местной манере судопроизводства. А, чхать я хотела на курсовую. Написала бы – все равно бы не поверили. И хорошее было бы у меня резюме – «когда меня обвиняли в убийстве княжны Горлена, я имела возможность подробно изучить местный характер судопроизводства, скажем так, прямо изнутри...». А для наглядности потенциальному работодателю еще и обвинительный приговор присовокуплю. Для пущей важности.

Мужчина долго молчал. Прокурор уже хотел было садиться, довольно потирая ладони, но тут мужчина поднял глаза, в которых уже больше не было стыда и горечи, только решительность.

– Мы все совершаем ошибки. Куитам живется несладко на любых землях, но это не оправдывает того, что я совершил. Я глубоко раскаиваюсь и готов понести наказание. Каждый имеет право на второй шанс, я хотел восстановить свое честное имя, – посмотрев на меня, почти шепнул он.

– Что? – откровенно изденулся прокурор. – Какое имя?

– Она повела себя благородно. Просила оставить госпожу в покое. А когда мы проиграли ей схватку на мечех, – прокурор и судья открыто гоготнули, – вместо того, чтобы убить, она сказала мне жить и восстановить свое доброе имя, если оно мне так важно, – я чуть не прослезилась от подобной характеристики. – Оно мне важно. Очень! Наш князь сейчас на поле боя, и я хочу перед всеми присутствующими поклясться, что верен ему и понесу любое наказание! Я согласен смыть пятно позора с моей семьи кровью! – он, разгорячившись, вскочил и ударил себя кулаком в грудь.

– Ты что порешишь? – возмутилась я. – У тебя дома семеро по лавкам, жена! Прокурор, это я убила!

У меня-то дома никого не было, кроме кота да старика Аласса. Первый и без меня проживет, благо в Сириме мыши еще не передохли, ну, а второй погрустит немного, да вернется на родину. Старик сам о себе позаботится, а остальные родственники гуляют в неизведанном мною направлении. А вот спасти этого бедолагу не помешает, глядишь, как-нибудь да выкручусь впоследствии. Чай не впервой вляпываюсь в ситуации, а с законом и подавно.

– Что-то я запутался, – обозначил судья, взбодрившись.

– Это я убила! – пискнула фея. В зале рассмеялись. – Хотите демонстрации?

Желающих не нашлось. Еще был свеж в памяти конфуз с дерзким судьей.

– Что, вы втроем убивали? – недоуменно протянул судья, падая на поставленную локтем на отполированный стол руку, – или у вас было бандитское сообщество? Вы заранее договорились об убийстве княжны или это был внезапно возникший умысел?

О боже, остановите этот бред! Откуда только корни растут у этой логики? Судье на пару с прокурором впору писать романы-детективы с драматическим концом для сентиментальных дам и женоподобных мужчин.

– Ваша честь, – двери в зал суда распахнулись, и в помещение ворвалась блондинка. Сестра умершей. Здесь становится все горячее с каждой минутой. Даже мне стало интересно, к чему все это приведет и окажется ли убийцей садовник. В зале разве что не начали делать ставки на деньги.

– Гм, полагаю, это вы убили Княжну? – предположил судья. Взгляды присутствующих с немалым интересом впились в блондинку. Для полного счастья им не хватало шипучего сока тивы и хрустяшек из кукурузы.

– Это действительно так, – самоотверженно заявила она, немного удивившись догадливости судьи. – Во всяком случае, эта госпожа никого не убивала!

Судья хмыкнул, пытаясь разобраться:

– Да она у нас мать Нория, получается. Либо вы все в сговоре, либо покрываете кого-то пятого.

И что это они все так рвутся меня защитить? Ладно, фейка моя, она, как и я, дуреха. Но бандит-то зачем? Действительно так зацепили мои слова о восстановлении доброго имени? Не смешите мои коленки, снесла я какую-то чепуху, чтобы руки поскорее опустить, а то затекли совсем! И бедная родственница явно свихнулась. Списываю это на посттравматический шок. Хотя, чую, здесь пахнет жареным... м-м... жареным эльфийским мясом.

К судье подошел возникший из стенки вампир в белом халате и что-то прошептал ему на ухо. Неужели пятый? Он прошел так спокойно и беззаботно, будто вышел из туалета и, сев на диван перед камином, начал шептать жене на ушко приятные пошлости. Надеюсь, хоть *он* не станет сознаваться в убийстве княжны. Вампир оказался экспертом и судья, перекосившись в лице, попросил его сделать заявление:

– Минуточку внимания. Судмедэксперт хочет сделать заявление.

За кафедру рядом с судьей, выполненную в завораживающем готическом стиле, как и прочая, весьма празднично выглядевшая мебель в зале, встал замученный долгим крапением над скляночками, органами и бумажками судебный эксперт. Его растрепанные волосы, перекошенные очки и мятый халат если не кричали о том, что он открыл восьмое чудо света, то уверенно нашептывали, что предыдущие пятнадцать минут он явно провел не один.

– Должен сообщить, – запыхавшись от нетерпения и волнения, начал он, – что подсудимая не могла убить!

– Конечно не могла! – обрадовалась фея, перебив гулко зардевшийся по залу шумок.

– Цыц!!!

– Согласно полученным данным, рана была нанесена отравленным мечом и скончалась потерпевшая от яда! – вскинув вверх указательный палец, мужчина показал смятый листок с какими-то почеркушками как доказательство. – Ранение было нанесено за полчаса до того, как вы схватили подсудимую, следовательно, она имела время схватить кошель и благополучно скрыться с места происшествия, если, конечно, она не сумасшедшая, а психологическая экспертиза отклонений не обнаружила, – когда они успели провести эту самую экспертизу – оставалось для меня тайной, окутанной мраком, но начало мне определенно нравилось. – Разве что вздорность и неуравновешенность, но это издержки воспитания и недостатки нежного возраста. – Да он явно мне льстил своей характеристикой. – К счастью, обследование места преступления позволило нам воссоздать обстоятельства того вечера! – эксперт смаковал и выдавал каждое слово с таким триумфом в голосе, будто защищал саму мать Норию, или диссертацию на соискание Всерасовой Премии по судмедицине. – Княжна направлялась на ярмарку. Предположительно. На всякий случай захватила меч, ведь она превосходно им владеет. Почему бы и не взять, так? В переулке на нее внезапно напали двое. Напали сзади. Ударили тупым пред-

метом в область затылка – рукоятью меча разбойников – я извлек из раны кусочки кожи с рукояти. Потерпевшая упала на землю и попыталась кричать, но ее ударили ногой в грудь...

Мне сразу вспомнились две черных фигуры в переулке, ударяющие женщину, из груди которой вырвался клокочущий стон.... Да и оригинальную версию нашел медик. Значится, на ночь глядя, взяв пакетик и кучу денег, княжна пошла за хлебом, или в лес по грибы. А, чтобы удобнее грибы срезать, захватила меч. Да и так, вдруг упырь какой привяжется, автограф просить станет, а она ему тыкнет в глаз и тот струхнет. Эксперт, хоть и высказывал умные мысли, но явно темнил с причиной ее нахождения в этом переулке. Что-то тут не вяжется.

– ...на руках замечены синяки – один из разбойников держал ее за руки, пока второй обыскивал, – он наглядно, на судье, показывал как все было, а судья, стойко перенося все тяжести роли манекена, внимал, – Когда княжна вновь начала сопротивляться, ее полоснули мечом по животу! – медик, махнув рукой, словно мечом, застыл ненадолго, округлив глаза, а потом поправился, задрав указательный палец. – Скорее всего, нечаянно, поскольку внутренности не задеты, только рассечен слой кожи глубиной в два сантиметра! Далее мы наблюдаем следы драки. Судя по всему, подсудимая, проходя мимо, пришла на помощь. Она обезоружила разбойников. Один из них, от горя, покончил жизнь самоубийством, второй бежал. – Перед глазами так и застыла картинка рыдающего от горя бандита. – Исследуя раны и характер лечения, делаю вывод – подсудимая приложила все усилия, чтобы спасти княжну. С медицинской точки зрения делала все правильно, но характер ранения был несовместим с жизнью при наличии того уровня магии, коим владела подсудимая. Следовательно, подсудимая невиновна. У меня все.

Уау....

Воцарилась тишина.

Шуршание колесиков в голове судьи.

Изменившийся и ошарашенный взгляд Валена.

Злорадно триумфальный в ответ.

Коленки перестали трястись, мочевого пузыря предательски затяжелел.

– Виновна, – постановил судья и треснул молотком. Как ножом по сердцу. Будто только стояла на пороге рая и меня резко дернули в ад, извинившись за ошибку с распределением.

От неожиданности содержимое пузыря чуть не расплескалось. Судья мне определенно не нравился. Зал заревел, повскакивал и, сколько бы судья ни призывал к порядку, утихать и не думал. Казалось, толпе только и дай скандал. Некоторые, видимо самые эмоциональные, попревращались в летучих мышей, сов, мух и прочих летающих гадов, и стали носиться под потолком, хлопая крыльями, крылышками и сея панику. Скитальцы тесно связаны с животным миром. Когда зверь внутри них берет силу – они сами становятся зверьми, иногда не в силах контролировать свою трансформацию. Вампиры этой общины, полагаю, должны с детства учиться контролировать зверя внутри себя и превращаться тогда, когда им потребуется, как Вален, а не тогда, когда нервишки расшатаются.

Вален наклонился к судье и что-то тому прошептал. Выражение лица судьи ничуть не изменилось. Он только на диво понятливо кивал. Уж никак способ моего убиения обсуждают. Остановившись на каком-то, как пить дать изощренном способе, судья, нерешительно призвав к порядку, заставил вампиров и живность замолчать и рассесться по лавкам, спинкам, выступам и прочим пригодным поверхностям.

– Невиновна! – зал одобрительно загудел, вновь вскочив и не смеряя боле меня злобными укоряющими взглядами. Лишь так – недоверчивыми.

Вампир выжидательно смотрел на судью. Видимо оправдательного приговора по закону Горлена маловато.

– Три золотых за незаконное задержание и пять «За заслуги перед княжеством Горлен» с вручением почетного значка. Привести оправдательный приговор к исполнению немедленно!

Последний раз звякнул молоток. Меня тут же освободили от оков и пут, нацепили на грудь этот самый почетный значок (я, впрочем, нашла более плодотворное применение, закрепив им порванный рукав) и... предали забвению, словно я какая-то вспыхнувшая и растаявшая над зеркальной гладью воды звезда. Да меня это очень даже устраивало! Я, размяв руки и заостенелые от цепей конечности, решила смыться, пока судья не передумал и пока Вален меня не приметил. Поздно – вампир схватил за руку и попытался остановить:

– Что? – вознегодовала я.

– Я не знал...

– Ты и не пытался узнать! – секундное замешательство. – Выдайте деньги сестре погибшей. Мне они не нужны.

Сестра погибшей, со слезами на глазах, стояла за моей спиной, шатаясь от праздно шагающих вампиров, улыбающихся и усердно жестикулирующих. Они обсуждали и смаковали все детали судебного разбирательства, изображая то меня, то мою заступницу Аличку, то проникновенного раскаявшегося экс-бандита. Меня поразило то, что в зале суда царил какой-то балаган, карнавал, а не судебное разбирательство дела по существу. Это было похоже на какой-то фарс, нежели серьезное действо и насторожило меня не на шутку. С этой долиной стоит держать ухо в остро. Сестра погибшей, без слов, кинулась мне на шею и разрыдалась. Я показала Валену, что он тут третий лишний и попыталась успокоить девушку, ставшую вдруг такой родной, ведь никак у нее есть крыша над головой и какой-никакой ночлег с хлебом-солью.

* * *

Зал опустел. Суровое помещение, пустым казавшееся каким-то мертвым, бездыханным, замерло, небрежно скосив лавки и предоставив ветру вольно играть с занавесками.

Мы сидели на лавочке, как понимающая мать и кающаяся дочь. Без слов. Просто наслаждаясь тишиной и, возможно, подбирая слова. Я не знала, что говорят в подобных случаях. Мне было знакомо лишь дежурное «все будет хорошо», которое означало, что дело дрянь. Когда все шло наперекосяк и казалось, что хуже не будет, хуже быть просто не может, я была готова размазать по стенке любого, кто, улыбнувшись, протянул бы три этих слова.

У каждого за душой есть камень,... есть нечто, что тянет нас в прошлое, не позволяя жить настоящим, жить без опаски,... не оглядываясь на пройденный путь, который остался далеко позади и покрыт пеплом. Но есть те, кому по нраву стряхивать пепел, воскрешать давно забытое. Мы не можем стать счастливыми, не отпустив то, что никогда больше не вернется. Не отпустив то, что не наше и, возможно, таковым никогда и не было...

– Это я виновата, – когда не осталось сил для слез, апатично заявила моя новая знакомая. Фея, прекрасно понимая, что ее бешеный темперамент тут не к месту, улетела собирать успокаивающую пыльцу.

Я неловко замолчала, не зная как к ней обращаться. Вампирка, сообразив мою растерянность, протянула руку, постаравшись улыбнуться:

– Лукреция.

Улыбка у нее была приятная и искренняя. За свою недолгую жизнь я, тем не менее, научилась различать много видов улыбок, большинство из которых были притворными. Ее улыбка – искренняя, горькая и трогательная. Добрые глаза девушки от грусти ощетились бугорками морщин, но источали тепло. Мне стало действительно очень жаль... стоп. Она – вампир. Мне и в голову не приходило все это время, что она – вампир! Может полукровка? Спрашивать об этом было как-то нетактично, но настолько разнились ее темперамент, ее характер, ее поведение с остальными вампирами, которых мне удосужилось повстречать.

– Я не вижу твоей вины, Лукреция, – заверила я.

– Ты не понимаешь, – она вновь устала в одну точку. Буйное состояние аффекта прошло. Наступили апатия, депрессия – безграничные в своей замкнутости. И бесконечное чувство вины. Неизменные спутники великих потрясений, – она из-за меня ушла. Мы поссорились.

– Это случается. Ты же не толкала ее силой под меч! Даже у меня больше причин винить себя в ее смерти!

– Это из-за меня, из-за меня! – начала нервничать она. Как раз вовремя подросла фея:

– Это успокоительный сбор, – запустив руку в маленький розовый мешочек, проговорила она, – подставь ладонь, – Лукреция безвольно выставила ладонь, на которую высыпалась горстка золотисто-розовой пылицы, – вдохни это. Все законно.

Вампирка послушно вдохнула пылицу, стерев остатки с носа и призывно чихнув. Через пару минут, после легкого головокружения ей стало легче, и она смогла продолжить более спокойно.

– Почему из-за тебя? – я искренне не понимала логики.

– Я задолжала денег Волку – главарю банды, – обстоятельно начала она с самой завязки истории. Я слышала, что скитальцы очень любят поговорить, поэтому приготовилась к долгому рассказу. Собственно, на суде я полностью убедилась в их словоохотливости и словоблудстве.

– Но у тебя же сестра княжна, – тактично напомнила я на тот случай, если Лукреция вдруг забыла.

– Да, но как я попрошу у старшей сестры-княжны денег на аборт? Ладно бы я забеременела от скитальца, но я полюбила куита! Сумма требовалась немалая, поэтому без лишних слов мне никто бы не одолжил столько денег. Пришлось идти к Волку. Он дал необходимую сумму, ... – она замолчала.

– А что взамен?

– Попросил одну услугу. Не оговаривая. Просто – услугу, когда ему понадобится. Он не спросил, зачем нужны деньги. Дал. Я сделала аборт у хорошего специалиста в соседней долине, в которой меня никто не знал. Срок был маленький, и все прошло отлично и без осложнений. Сестре сказала, что взяла на работе отпуск и поехала отдохнуть в Оссет. Но в тот день, ... вернувшись с работы, я обнаружила в своем доме того куита и свою зарезанную сестру. Оказалось, что он пришел просить ее благословения на наш брак.

– Так вы еще и пожениться собирались? – обомлела я.

– Он милый, добрый, но наивный и глупый. Он не со зла так, – она явно выгораживала своего дружка, но любовь, говорят, заставляет совершать глупости, – он мечтал о свадьбе, но я любила свою сестру и не могла так с ней поступить. Другу пришлось уйти. В тот вечер мы серьезно поговорили с сестрой. Она не понимала, почему я не обратилась к ней, заверяла, что поняла бы, поддержала. Говорила, что я предала ее, – по щеке девушки сбежала, не сдерживая ничем, слеза, – предала. Она ушла, просто закрыв дверь, а я кинула ей вслед что-то обидное. Чувствую себя просто омерзительно! – у, говорил уже здоровый эгоизм, что означало о возвращении в реальный мир. Ее мучило не то, что княжна не дожидая до своего первенца и внуков, а то, что *она* наговорила сестре. То, что *она* будет жить с чувством вины. Вампиры совсем как все. Но говорить Лукреции подобное я не решилась бы, будучи даже самоубийцей, ведь вампир в гневе – страшное зрелище, я на картинках видела, – опомнившись, я кинулась за ней, без труда найдя ее следы. Но опоздала. Ты пыталась спасти ее, а дальше....

– А почему Банда Волка убила ее?

– Чтобы заставить меня выполнить мою услугу. Они давно грозились, что я заплачусь, ... поплачусь, – она горестно развела руками, – не думаю, что это из-за ее титула. Нет. Наверняка они даже не помышляли, что она княжна...

– Что была за услуга? Что они потребовали?

– Они потребовали отдать дом. Наш дом. Наше фамильное поместье, передаваемое от матери к дочери вот уже семь поколений подряд. Ты представить не можешь, какая это история! Я говорила им, что это невыполнимая услуга, что это нечестно. А они апеллировали договором. Тем, что я обещала отработать долг оказанием услуги. И все законно. Обращаться в суд... сама понимаешь – это бессмысленно и опасно для репутации. Теперь, правда, только моей.

– Да... – протянула я, – до недавнего времени полагала, что только я могу встрять в подобные ситуации...

– Где ты остановилась? – она резко сменила тему, видимо, решив оторваться ненадолго от прошлого.

– Предлагаешь мне свое славное фамильное жилище с бандитской репутацией? – усмехнулась я, – Если да, то... я согласна. Лучше, чем ничего. И, раз уж не спасла сестру твою, попробую тебе помочь.

Она по-детски улыбнулась, но глаза ее остались тяжелыми и невообразимо печальными со слишком взрослым выражением, застывшим в них.

– Луки, – мягко произнесла фея, – позволь один совет. Не живи прошлым, не вини себя, поскольку этим ты ничего не сможешь изменить. Ты должна жить, храня в сердце тепло своей сестры и помнить, что она любила тебя и любит. Она с тобой. Те, кого мы любим, всегда с нами – в наших воспоминаниях, в наших словах и поведении. В нашем сердце, в каждом его ударе. Я знаю, словами ее не вернешь, но страданиями тоже. Поверь, она бы не хотела твоих страданий, – фея моя – лучший лекарь. И души, и тела. Маленькая чаровница присела на плечо Лукреции и погладила ее по щеке.

– Не одолжишь мне свою фею на недельку-другую? – улыбнувшись, вздохнула Лукреция.

– Пока я тут, можешь пользоваться, – я подмигнула им обоим.

Обращаясь к фее, девушка проговорила:

– Твои слова мудры и просты, но в жизнь воплощаются нелегко. Невозможно сразу отринуть страдания и стенания. Ведь, потеряв правую руку, мы не сможем тут же, закусив губу, приняться писать левой.

– Да, время лучший лекарь...

– Или калекарь, – туманно протянула я, думая о родителях.

...Длинные колонны детей и стариков. Одинокое огни освещают дорогу,... куда ведет дорога, которая уводит от дома? ...либо в никуда, либо обратно домой. Куда ведет их дорога?

– А ты, Раэль. Тебе ведь тоже нелегко, должно быть, – справилась Лукреция.

– Поверь, меня не прошибешь. В жизни всякое бывает, я привыкла примиряться к этому, как к должному. Не приходится мучиться и винить себя. Гм, не прими за бестактность, но, может быть, осмотри жилище? – желудок предательски заурчал.

– Кажется, поступают предложения для начала осмотреть местную харчевню, – захихикала фея.

Местная харчевня «Хромой Джо» напоминала тысячу других харчевен, но была довольно опрятной и, что приятно удивило, заставленной буковой мебелью. Древесина бука имеет интересный розово-коричневый оттенок и замысловатый рисунок, отчего мебель, смастеренная из бука, выглядит дорого и аристократично. Валкалы поставляют бук за копейки и в больших объемах и себестоимость мебели – плевая. Странно, что остальные владельцы харчевен на Нейтральных землях не смекнули это обстоятельство и не щегольнули «дорогой мебелью» за гроши, используя серую и невзрачную ольху. Харчевня манила нас дюжиной нетесаных буковых столов и лавок, местами сдвинутых в один длинный, для дружных компаний; заунывной

музычкой, исходившей от не менее заунывного музыканта на пустующей сцене и барной стойкой с симпатичным вампиром-барменом, неустанно протирающим стаканы. Немного мутноватые, но целые, что радовало. Ведь в иных заведениях не успеешь донести посудину до рта, как она оказывается пустой. Лукреция поведала, что после полуночи «Хромой Джо» загадочным образом превращается в «Пышногрудую Сью». Излюбленное место подростков и мальчиков постарше. Я заключила, что, должно быть, здесь кажут стриптиз, и взяла это на заметку. Правда самих хромающих и пышногрудых героев, давших доброе имя столь славному месту, обнаружить не удалось. Всегда было интересно заглянуть в их честные глаза.

Пообедали отменно. Запеченная с картошкой и лимонным соком рыба оказалась божественной как на вид, так на запах, на вкус и на все остальные органы чувств, что весьма меня насторожило, ведь все сразу в харчевнях не бывает. Наверное, свое дело сделал голод, или халява, при которой и уксус сладок. Бармену понравился мой значок, и он выдал харчи за счет заведения. Заведение, видимо, больше пользовалось спросом после двенадцати, так как из посетителей мы увидели только пару вампиров, да трех веселых гномов, пребывающих проездом, как мне удалось подслушать, из Каменных Мытищ. На мой вопрос – не продавали ли они кому на днях партию свежескованных Мытищенских клинков гномы ответили быстрым ретированием из таверны на улицу. И чем я сегодня всем так не угодила?

Дом Лукреции располагался недалеко от княжеской резиденции. Пару кварталов – и можно лицезреть трехэтажное здание скромного сероватого особняка, украшенного лишь статуями горгулий и двумя горделиво возлежащими около входа волками, которые смеряют каждого входящего дружелюбным оскалом полукруглой пасти; впитывать влагу фонтана на площади и дышать почти одним воздухом с самим упырем упырей – упыриным Князем. Домик оказался добротным, просторным – семь просторных и светлых комнат, большая кухня с каменной печкой, столовая и нечто вроде сеней. Перед домиком был засажен небольшой приусадебный участок. Пара соток. Росли бархатцы, шафраны, георгины вдоль светлого и низкого заборчика; золотой шар, тесня бардовые крупные цветы георгинов, томно склонялся над пыльной дорожкой, перегибаясь через забор и цепляя за одежду прохожих. Цвели какие-то приятно пахнущие кусты, а на грядках пушилась зелень морковки, салата и прочих приятных и вкусных мелочей. Что радовало в этой стране, так это благоприятный климат, который помимо всего прочего, позволял собирать урожай несколько раз в год.

Живности никакой не было. Чему *моя* живность была рада, заявив, что ее важной особе пристало прилечь в отдельной комнате и отдохнуть от мирской суеты. Комнату, которую выделила для меня Лукреция, можно было со всей уверенностью назвать княжеской. Высокая широкая кровать, с хорошо взбитой периной, застеленная тяжелым покрывалом, персикового цвета. Хозяйка предупредила, что ночи холодные и посоветовала закрывать извечно открытые днем окна. Над кроватью возвышался балдахин, позволяющий немного скрыть себя от окружающих свешивающимися до пола полупрозрачными тканями бежевого, молочного и сиреневого оттенков, в которых, искрясь, путались прикрепленные серебряные звезды. Помимо кровати имелся миниатюрный шкаф для одежды из светло-вишневого дерева, который теснился рядом с женским туалетом. На туалетном столике расставлены скляночки – крема, масла, пудры. Вампирка объяснила, что их дом часто посещали гости князя и «забывали» разные миниатюрные мелочи. Интересно, она обидится, если при отъезде я «забуду», что эти мелочи не мои?

Заметив мельком свое отражение в зеркале, я ужаснулась. Я хоть и ведьма, но таких страшилищ обычно вперед ногами выносят, причем крышку гроба закрывают... Решив отложить проблему с внешним видом на потом, я продолжила осмотр жилища. Высокий ворс персикового ковра приятно щекотал ноги. Цветовая гамма немного хромает, но если не брать ее в расчет, я была готова поселиться тут навечно.

Мои не сильно рьяные попытки удариться в поиски глупого коня Лукреция категорически прервала, заявив, что уже послала посыльного и, пока мы пили чай, обсуждая погоду, здешнюю моду и некоторых девиц, мальчишка привел мое животное и даже принес нетронутые мешки. Из-за внешнего вида их кому-либо трогать не особо-то и хотелось. Я кинула парню медяк под неодобрительным взглядом Луки и, потрепав Графа, принявшегося жевать принесенный для него овес, взялась за мешки.

– Как приятно видеть свои вещи, – обустриваясь в комнате, улыбнулась я. И получила в ответ теплую, но грустную улыбку Лукреции.

– Вот полотенца для тебя, можешь принять душ. Мне сейчас нужно возвращаться на работу, но ты почувствуй себя как дома. И не пугайся – вечером придет горничная, приберется.

– Тебе действительно нужно на работу? – удивилась я.

Лукреция не ответила, только улыбнулась вновь вежливо и печально, и смиренно вышла из комнаты.

Я, с чувством выполненного долга перед собой и отечеством, намывалась в душе, не щадя заготовленных этой весной средств и масел. Грязь не мудрствуя лукаво, сыпалась ошметками на пол и растворялась под горячими струями, будто я не мылась неделями, живя не в упырином царстве-государстве, а в грязном скотиннике со свиньями. Впрочем, если учесть, где я провела эту ночь, то не так уж и далеко сие было от правды. За исключением, что свиньи там отродясь не водились.

Накинув полотенце на легко вздохнувшее, осыпное Аличкиной «чудодейственнойшей пылью» тело и закутав в другое полотенце благодарно завившиеся в кольца волосы, я нанесла на лицо толстый слой крема, а на глаза проверенное средство – огуречные кругляшки.

Какое это прекрасное чувство, расслабляться после душа на мягкой кровати, как на облаке. Убрав с глаз огурцы и удостоверившись, что зеленого цвета маска на лице затвердела, я растворила дверцы шкафа, напевая себе под нос веселую песенку, и встала перед мучительнейшим выбором «что бы мне надеть». Даже в стране, населенной вампирами, хотелось чувствовать себя девушкой. Надо показать этим неотесанным грубиянам, кто такие эльфы и почему именно мы считаемся первородной и благороднейшей из рас. Мои тяжкие думы прервали тактичным стуком в дверь. Полагая, что это горничная раньше времени решила метелкой помахать, я, без задней мысли, шлепая босиком, завернутая в полотенца и обремененная маской, открыла дверь.

Увидела испуганные глаза вампира. Полотенце соскользнуло на пол. Испуг в глазах сменился на задор и интерес.

Захлопнула дверь обратно и ужаснулась.

Приглушенного звука падения не послышалось, значит, к моему прискорбию, незваный гость не скончался от обширного инфаркта.

Потом подумала, что еще и не такой мой внешний вид пугал окружающих и спокойно пошла одеваться. К моему величайшему счастью в напоминание о синяке осталась лишь раскосая челка, которая слегка отросла, но по-прежнему жалобно болталась на лбу. Зуб не беспокоил, а нога лишь тихо подвывала, завернутая в бинт.

Придирчиво рассматривая себя в зеркало, я заключила, что это лучше, чем было. Передо мной стояла стройная невысокая девушка в лазурно-голубом сарафанчике со спелыми золотыми гроздьями пшеницы, пущенными по подолу, струящемуся волнами выше колен. Вымытые волосы, благоухая жасмином, красными кольцами спадали до плеч, а не стояли дыбом в вопросительном колтуне. На груди – все тот же родительский медальон с цветами Зеленики и на кожаном шнурке половина сердца Хелены – сестры Луки. Не в буквальном смысле, разумеется, я же не некромант какой. Хотя, чисто в научных интересах, глянуть бы не отказалась.

Открыв входную дверь, я улыбнулась миру. Ласковый ветер заигрывал с моими волосами, а приветливое солнце целовало лицо и руки. От удовольствия я закрыла глаза и несколько минут наслаждалась покоем и прелестью момента, вдыхая цветочные ароматы сада. Фея тактично кашлянула и я, без мук совести, но все же, вспомнила, что давеча заходил вампир. Онный, без тени раскаяния, сожаления или прочей явно не ведомой ему заморской волшбе, восседал на лавочке в тенечке под яблоней, на которой уже румянились спелые плоды.

– Все еще тут? – удивилась я, поворачиваясь на звонкую трель щеглов, свивших гнездо на одной из веток дерева.

– О, да ты сегодня выглядишь не такой ведьмой, как обычно! – то ли это комплимент, то ли наоборот. Я притворилась, что не расслышала – самое разумное, как мне показалось.

– Так ты по мою душу пришел? – пройдясь до калитки, я как бы вновь вспомнила о нем и беззаботно обернулась.

– Такая... голая.

– Ой, ну хватит. Неужели, голых девушек не видел? Ко мне приходил, мил упырь?

– Именно, – вампир подошел ко мне и, открыв калитку,... прошел первым – никакого воспитания! А еще хотят, чтобы приезжие показывали чудеса воспитанности, следуя строгому вампирскому этикету, и не убивали представителей княжеских кровей направо и налево!

Пройдя пару кварталов молча, прямо как дилетанты на первом свидании, мы одновременно вздохнули. Блещающие пышной растительностью приусадебных участков главной улицы, красовались аккуратные миниатюрные коттеджи. Коттеджи главной улицы сменялись немного мрачноватыми переулками двухэтажных домов, в которых проживали вампиры среднего достатка. Балкончики улыбались детскими штанишками и мужскими рейтузами, развешанными сушиться на летнем солнце. Пейзажи менялись с каждым поворотом, неизменно было лишь одно – молчание вампира, шедшего рядом, который, казалось, и забыл вовсе, что с ним плетется какая-то девица. Точнее, это со мной, великой и могучей ведьмой самоучкой плелся какой-то вампир. Причем плелся без моего на то ведома, якобы с молчаливого согласия. К моей бескрайней радости, брать на себя инициативу не пришлось – Вален, куда-то упорно меня ведший, резко остановился в нелюдимом парке, засаженном вязами и кленами. Уж не для обеда ли мной? Здесь самое подходящее место, чтобы скрыть следы преступления. Желтеющая листва вязов и багровеющая кленов вот-вот начнет облетать, покрывая землю плотным ковром разноцветных листьев, а это как нельзя лучше скроет пожухлую траву, неубранные за домашним животным испражнения, холодный труп приезжей девицы...

– Ты должна уехать, – заявил он, вглядываясь куда-то вдаль парка.

Стоило тащить меня двадцать минут в неизвестном направлении, чтобы сообщить столь радостную весть? Или отсюда ближе до границы? А может он свернет мне шею, если не убегу, да прикопает-таки под вязом? Хорошо хоть не выставляет просто так, помахав перед моим носом бумажкой о депортации на историческую родину. Я, найдясь, тыкнула словами на значок, оставшийся заплатой на рубахе дома у Лукреции и заявила:

– Я, меж прочим, награду у вас получила и оправдана по всем статьям! Можно сказать преступный элемент декриминализировали, декриминализировали да выдекриминализировали наконец и теперь я полезный член общества!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.